

Елена Нестерова

ОТЕЛЪ

для призраков

Елена Нестерова

Отель для призраков

«ИП Астапов»

2010

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

Нестерова Е.

Отель для призраков / Е. Нестерова — «ИП Астапов»,
2010

ISBN 978-5-91146-527-8

За каждой закрытой дверью может скрываться иной мир, неизвестный нам, неизведанный... Другая реальность? О, нет! Это – один мир на всех, просто у него есть тайные закоулки и невидимые двери. И если, вдруг, вам повезёт, и одна из таких дверей откроется вашему взору, не бойтесь. Загляните в щёлку, а вдруг в доме напротив разместился «Отель для Призраков», где вместо постояльцев в номера заселяют неуспокоенные души, и у каждой такой души своя история смерти. «Отель для Призраков» – это не выдумка! Это – реальность, и она где-то рядом...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-91146-527-8

© Нестерова Е., 2010
© ИП Астапов, 2010

Содержание

Вступление	6
Начало...	8
Глава первая	9
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвёртая	24
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Глава восьмая	42
Глава девятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Нестерова

Отель для призраков

© Елена Нестерова, 2010

Вступление

*Неказистый домик с высоким забором, с заросшим садом и обшарпанной калиткой...
Длинные тени от высокой старой рябины, да фиолетовый свет фонаря, пожалуй,
лишь это может привлечь ваше внимание...*

Но попробуйте заглянуть чуть дальше...

Что прячется за этими невзрачными стенами?

Кто живёт по соседству с вами и выходит на улицу лишь с наступлением сумерек?

Если Вы приглядитесь повнимательнее, то заметите, какие странные гости стеснительно мнутя у калитки, прежде чем войти, и лишь протянутая рука хозяйки вселяет в них уверенность и рассеивает их страхи.

А Вам не страшно?

Что воеет по ночам в доме напротив, где в едва освещённых окнах то и дело мелькают прозрачные тени...

Что? Призадумались?

«ОТЕЛЬ ДЛЯ ПРИЗРАКОВ» – это не выдумка! Это – реальность, и она где-то рядом...

ПРИЗРАК, – а, м.

1. Образ кого-чего-нибудь, представляющийся в воображении, видение, то, что мерещится. Ночные призраки. Призрак прошлого. Призраки старого замка. 2. (переносное) Вымысел, мираж, нечто кажущееся. Призрак надежды, счастья, любви.

Толковый словарь Ожегова и Шведовой

ПРИВИДЕНИЕ, я, ср. (книжн.).

Призрак умершего или отсутствующего существа, по представлению людей суеверных и с болезненной фантазией якобы являющийся им. Замок с привидениями.

Толковый словарь русского языка Ушакова

ФАНТОМ, а, м. [фр. fantôme с греч.].

1. Призрак, привидение, причудливое явление (книжн.).

2. Модель человека или животного (или части тела) в натуральную величину (в паноптикумах, музеях и т. п.; спец.).

Толковый словарь русского языка Ушакова

АНГЕЛ, а, м. [греч. aggelos, букв. вестник].

1. В религиозной мифологии – бесплотное существо, исполняющее приказания бога. 2. Идеал чего-н., лучшее воплощение, олицетворение чего-н. (разг., с оттенком восхищения; устар.). А. красоты. || Ласковое обращение к любимому человеку. А. мой [перевод фр. mon ange]. 3. Святой, имя к-рого носит кто-н. (церк.). || Именины (разг. устар.). Поздравление с ангелом.

Толковый словарь русского языка Ушакова

ДЬЯВОЛ, ДИАВОЛ – падший ангел, к-рый до своего падения был одним из высших ангелов в небесной иерархии (Синонимы: сатана, нечистый дух, демон, бес, Вельзевул, князь тьмы, Люцифер, Фосфор, Велиар и проч.). За горделивое послание против Творца он и увлеченные им духи были низвержены с «неба» и обречены на конечную погибель как отчужденные от источника истинного бытия, т. е. Бога-Творца. Злым этот высший ангел стал в своем свободном самоопределении. Поскольку ангельские дух. сущности обладают тварной вечностью неизменностью, Дьявол – неизменный носитель зла, для к-рого принципиально невозможно покаяние, а следовательно и прощение. Нераскаянность дьявола выражается в безнадежной борьбе против Бога и Его творения. Он – источник зла, греха, страдания, смерти и неустроенности в тварном мире. В начале Библии, в книге Бытия, Д. появляется в образе змея, обольщающего первых людей. Проклятого за это Богом Д. и его слуг ожидает погибель в «последние времена», после решительной битвы, описанной в кн. Откровения (Апокалипсисе), где он изображен в образе Дракона.

Российский гуманитарный энциклопедический словарь

ДЕМОН м. греч. злой дух, диавол, сатана, бес, черт, нечистый, лукавый. Сатана, кто во лжи, по кичливости духа; диавол, кто во зле, по самотности; демон, кто в похотях зла, по любви к мирскому. Демонов, ему принадлежащий; демонский, ему свойственный, к нему относимый. Демониться, церк. демонствоваться, бесноваться, быть одержиму бесом. Демонование ср. церк. идолопоклонство; демоночтец м. идолопоклонник. Демонострашие ср. страх, наводимый демонами. Демонология ж. учение о духах, о бесплотных существах. Демономания ж. помешательство, в котором человек считает сам себя бесноватым, одержимым.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля

АЗАЗЕЛЬ – по верованиям древних евреев – демон пустыни, предводитель допотопных гигантов, восставших против бога. Он научил мужчин воевать, а женщин – искусству обмана, совратил людей в безбожие и научил их разврату. В «книге» Еноха (см.) А. трактуется как «падший ангел», обучивший мужчин искусствам изготовления оружия и войне, а женщин – технике раскрашивания лица и вытравливания плода.

В конце концов он был привязан, по повелению бога, к пустынной скале. Так повествует апокрифическая лит-ра. В Библии и в талмудической лит-ре имя А. связано с идеей искупления греха – прелюбодеяния падших ангелов, а главное – с идеей общего искупления грехов народа. Эта идея воплощалась в особом обряде: приводились два козла; один предназначался (по жребию) «Господу» в жертву, другой – «Б.». Последний, нагруженный воображаемыми грехами, уводился в одинокое место, а затем отпускался в пустыню. Отсюда – «козел отпущения». Позже этот обряд значительно развился (козла сбрасывали в пропасть с горы), усложнился привлечением большего количества участников и принял наконец характер драматического действия.

Литературная энциклопедия

ОТЕ́ЛЬ *отэ́ль, отеля́, муж. (франц. hotel).*

Название больших комфортабельных гостиниц. Вообще гостиница (загр.). Особняк, барский дом, где живет только семья владельца (загр.).

Толковый словарь русского языка Ушакова

Начало...

Ты не всегда знаешь, в какой именно момент начнётся твоя история, и уж, конечно, совершенно не можешь догадываться, как и когда она закончится...

Но я знала...

Эта история началась в одну тёплую июньскую ночь, когда мне в первый раз приснился этот дом...

Сон начинался так: я иду по старой разбитой дороге, где-то на окраине города, теребя в руках и без того мятый листок с адресом, и в самом конце улицы, носящей имя великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя, нахожу дом № 13.

Он-то мне и нужен...

А калитка приоткрыта, словно меня уже ждут...

Захожу и вижу его обшарпанные стены и глухой забор, вдоль которого тянется тоненькая тропинка в сад, заросший вишнёвыми дичками и высокой крапивой.

Сад был слишком большой, а дом – маленький, просто крошечный, хоть и с виду казался вполне приличным.

Две проходные комнаты, кухня и веранда, остеклённая маленькими ромбиками, часть из которых давно выпали наружу и лежали под окнами мелкими осколками.

Во сне я медленно проходила по этому архитектурному «чуду» и пыталась оценить его реальную стоимость...

На стенах с потускневшими обоями, покрытыми жёлтыми пятнами, висели рамочки с фотографиями из прошлого. Все эти люди были мне незнакомы, и их жизнь в этом доме показалась нереальной, несуществующей, но проходя мимо, я понимала, что люди на фотографиях смотрят в мою сторону и шепчутся.

Во сне я отчётливо слышу их голоса и испуганно спешу на кухню. А кухня – крошечная комнатка, заваленная разным барахлом. Такая кухня просто находка для людей, помешанных на диете, в таком убогом и грязном помещении не только готовить противно, но и просто присесть.

Я подхожу к окну, чтобы выглянуть в сад, и вижу, как по тропинке в сторону дома движутся люди. Их тела прозрачны, а движения плавные и неспешные, словно они плывут над тропинкой, не касаясь земли. Их становится всё больше и больше, и уже сад почти заполнен, и крайние из них стоят у входной двери.

От страха я вскрикиваю и выбегаю прочь из дома, собирая на свою одежду пыль и паутину вместе с пауками и засохшими мухами, и оказываюсь во дворе.

На крошечной лавочке у двухметрового забора, под огромной рябиной заканчивается мой сон.

Но в следующую ночь – всё сначала...

Я просыпаюсь и ещё долго лежу в кровати, пытаюсь прийти в себя...

Глава первая

Сделка, подписанная кровью

Так больше не может продолжаться! Не может! Чёрт бы побрал этот сон.

Вчера я напилась снотворного и надеялась, что уж сегодня этот сон не посмеет войти в моё сознание, так нет, сон всё равно приснился, да ещё и с продолжением...

Я бегу по улице, а за мной толпа бестелесных призраков с протянутыми вперёд руками и выпученными глазами...

Фу, гадость какая!

В автобусе, заполненном под завязку, я доезжаю до работы и спешу выпить кофе, чтобы хоть как-то разогнать сон. После третьей чашки я облегчённо вздыхаю, глаза перестают слипаться, и мысли выстраиваются в чёткую линию.

Если я не смогу избавиться от этого навязчивого сновидения, то, похоже, совсем скоро перестану спать. И жизнь моя закончится с широко открытыми глазами.

Но как найти то, чего нет?

Хотя, почему же нет?! Во сне я шла по определённой адресу, кем-то написанным для меня на листочке бумаги в клетку.

Итак, улица Гоголя, дом № 13... Я набила этот адрес в поисковике, и объявления о продаже недвижимости замелькали перед моими глазами. Оказывается, улица Гоголя есть в каждом городе и несложно догадаться, что и дом № 13 на ней тоже имеется.

Целый час я потратила на поиск нужного дома, но тщетно...

В ожидании новой бессонной ночи моё несчастное тело медленно поплелось домой, ничего не замечая на своём пути и надеясь лишь на внутренний компас, знающий свой адрес и выбирающий кратчайший маршрут, как наилучший навигатор.

Выйдя из метро, я шла по длинному подземному переходу, и какая-то тётка сунула мне в руки газету с объявлениями:

– Бесплатная газета! Бесплатная газета! Покупайте – продавайте, ни минуты не зевайте!

Какая поэтичная распространительница, подумала я, когда та пыталась подмигнуть мне правым глазом.

Газету я взяла, но на подмигиванье никак не ответила, а поспешила на остановку и, сидя у окошка в автобусе, открыла газету...

На третьей странице пестрели объявления о продаже дачных участков и, о Боже, я увидела тот самый дом...

Маленький уютный домик, ищет свою хозяйку.

Не лентяйку не зазнайку.

Не на день и не на год этот дом хозяйку ждёт.

А на долгие века в дом войдёт её душа...

Тот, кто сможет в доме жить, будет время сторожить.

Он приют дарует тем, кто скорей похож на тень.

И в прозрачные тела он вдохнёт огонь тепла,

И душа к душе прижмётся, возрождаясь навсегда.

Под фотографией были написаны странные стихи и телефон продавца.

Тошнота подступила к горлу и по губе потекла вязкая, тёплая жидкость. Машинально я слизнула её и ощутила во рту вкус крови. Алые капли упали на газету и растеклись по фотографии, придав ей красноватый цвет...

Я стала копаться в сумке, выбрасывая содержимое на колени, пока не нашла платок. Зажав нос, я выскочила из автобуса...

Постояв немного на остановке, задрав голову к небу, я дышала через рот, пытаясь остановить кровь. Когда платок перестал намочать и кровь запеклась, я тихонько пошла домой.

Голова кружилась, и ноги заплетались. Наверное, со стороны я была похожа на изрядно подвыпившую тётку, но мне было всё равно.

По пути мне пришлось несколько раз останавливаться и, держась за дерево, переводить дух. Тошнота стала невыносимой, и почти у самого дома, под корявой берёзой меня стошнило. Рядом была детская площадка, и молодые мамы, похватав своих чад, поспешили убраться побыстрее, дабы не лицезреть эту ужасную картину...

И правильно!

Зрелище – из ряда вон выходящее. Я и сама была бы рада убежать, да не могла, ведь без меня это шоу не состоялось бы.

Вытершись всё тем же платком, я доковыляла до подъезда.

Дальше я помню с трудом, но до квартиры я всё же добралась, так как очнулась через сутки именно в ней, родимой. Лёжа в кровати, прямо в одежде и с перепачканным лицом. Эту картину я увидела в зеркале, висящем напротив кровати.

Я не узнала эту женщину...

На меня смотрела незнакомка и похоже, что тоже не узнавала меня.

Вид у неё был жалкий и потрёпанный, а лицо серого цвета с бордовыми разводами. Руки тоже были перепачканы кровью, оттого создавалось впечатление, что эта чумазная дама совершила преступление, убила кого-то, а теперь прикидывается, что ничего не помнит...

Я кое-как сползла с кровати и сделала первые шаги по направлению в ванную. В голове шумело, но тошнило – слегка, и я благополучно, по стеночке, по стеночке, добралась до намеченной цели.

После душа мне полегчало. Я выпила кофе, и та женщина в зеркале перестала быть незнакомкой.

– Да, Варвара Александровна, влипли вы в историю! Ничего не скажешь!

А всё почему? Да из-за сна этого. Похоже, пора саму себя в психушку сдавать, как шизофреника и параноика.

Мне этот «сонный» дом уже в газетах мерещится...

– Так, стоп! Газета! Где эта газета?!

Я побежала в коридор, и у входной двери увидела скомканную пропажу.

Распрямив страницу № 3, я стала пристально вглядываться в запачканную кровью фотографию.

Бордовое небо над домом с тяжёлыми чёрными тучами, и казалось, что они медленно плывут, подгоняемые северным ветром. Я почувствовала холод, проникающий в меня, словно я была там, в фотографии, а не в своей тёплой уютной квартире.

Тропинка в сад вдоль высокого, глухого забора стала наполняться людьми, ещё и ещё, их становилось всё больше и больше, и они двигались по направлению в сад, но в какой-то момент эти люди обернулись на меня, словно я окликнула их или позвала. Первой стояла молодая девушка, её лицо было видно лучше остальных, она улыбнулась мне так ласково, с любовью, и поманила к себе... Господи, да это же я сама!

Я выронила газету...

Сомнений больше не было, я сошла с ума...

Я всегда была реалисткой, и фантазии в моей жизни занимали последнее место.

Да их просто не было!

Я чётко знала, что хочу от жизни, и шла к намеченной цели реальными путями без фантастических мечтаний.

Была ли я романтиком?

Тоже нет! Я любила окунуться в атмосферу праздника, но без излишеств. Любви я предпочитала безопасный секс, а стихам при луне – хорошую бутылку вина в приятной компании друзей.

Жизнь была разложена по пунктам, которые я выполняла один за другим и отмечала их крестиком, как уже пройденный этап.

А тут эти сны... Они ворвались в мою жизнь и перевернули всё с ног на голову.

И что теперь делать?

Сдать себя в психушку или всё же найти этот дом и узнать, что же он хочет от меня в конце концов?

Поразмыслив немного, я приняла решение.

Обратиться к врачу я всегда успею, а дом могут продать, и тогда сны не отступят, и рано или поздно я всё же окажусь в медицинском учреждении с решётками на окнах в палате № 6.

Значит, нужно спешить...

По всей видимости, дом был в другом городе, до которого полдня добираться, но меня уже ничто не могло остановить. Проведя бессонную ночь, ворочаясь с боку на бок, я вскочила с первыми лучами солнца и позвонила по телефону, указанному в объявлении.

Очень долго в трубке была тишина, потом длинные гудки разбили пространство на ровные осколки, и, наконец, мне ответили...

Голос был сонный и хриплый. Я даже сразу не поняла, мужчина это или женщина, пока голос не представился:

– Акулина Фёдоровна, матушка моя, прошу любить и жаловать. Что рано-то так? Не спится?

– Заснёшь тут! – не удержалась я и гневно фыркнула.

– Понимаю, матушка, понимаю. Сновидения порой бывают так навязчивы. Так по какому поводу звоните, матушка моя?

– Вы дом продаёте?

– Дом? Ах, дом! Ну, конечно, продаём или меняем, но назад не принимаем...

В трубке раздался смешок, и мне показалось, что этот голос я уже где-то слышала...

Женщина продолжала:

– Дом продаём, матушка, это конечно, но по вам ли цена?

– А сколько вы за него хотите?

– Это не телефонный разговор, – резко оборвала она. – Приезжайте, матушка моя, посмотрим, прикинем, может, и цену скинем.

– Хорошо, диктуйте адрес, я сейчас приеду!

Записав адрес, я бросилась к компьютеру, чтобы найти его на карте, но, увы, как я ни билась, но переулок Вечности как сквозь землю провалился. Пришлось взять «Путеводитель по дорогам России», и там, в крошечном ответвлении от улицы Весенней, я отыскала нужный мне переулок.

На сборы ушло не больше пяти минут и около часа на дорогу...

И вот я стояла на улице Весенней, как раз в том месте, где должен начинаться переулок Вечности, но его не было.

Мне несколько раз пришлось пройти по улице, туда и обратно, пока я не заметила низенькую арку между домами. Войдя в неё, я оказалась в нужном мне переулке...

Название переулочка как нельзя лучше говорило само за себя. Время остановилось в этом странном месте ещё пару веков назад, и дух вечного покоя растворился в воздухе этого таинственного уголка, надёжно спрятанного кем-то от лишних взглядов и городского шума.

Здесь всё было особенным, не таким, как по другую сторону арки: чистый воздух с запахом ванили и бергамота, едва уловимый, но такой восхитительный. Домики, сошедшие со старинных фотографий, начала прошлого столетия, стояли как маленькие сахарные леденцы, прижавшись друг к другу, с ажурными узорами лепнины на фасадах и белыми колоннами у входных дверей. Мощёный тротуар без проезжей части и ни одного автомобиля.

Переулок был крошечный: шесть домов с одной стороны и шесть с другой. Я прошла несколько раз из конца в конец, пытаясь найти нужный дом № 3/2, но тщетно.

За домом № 3 по нечётной стороне, как и положено, шёл дом № 5, а где искать эту дробь два, было неизвестно.

Расстроенная, но больше рассерженная, я уже хотела уходить, но тут из подворотни выбежала чёрная кошка и нырнула в узенькую калитку между домами, я пошла за ней и попала в узкий проход.

Я едва могла поместиться в нём, но пройдя несколько шагов, я поняла, что проход расширяется на глазах. Невероятно, но это было так.

Тут я увидела дом № 3/2, он стоял в глубине прохода, и на его крылечке стояла старушка и махала мне рукой.

Среди всех домов в этом переулочке, пожалуй, этот был самым реальным. Его стены были увиты виноградом по самую крышу, и этот виноград на вид был вполне съедобным. Он свисал аппетитными гроздьями фиолетового цвета с лёгким восковым налётом, в котором отражались белоснежные облака, плывущие по московскому небу.

И всё те же облака медленно скользили в отражении множества чудесных оконцев этого двухэтажного творения неизвестного мне архитектора, а по совместительству – волшебника.

В каждом окне была своя отдельная история, сложенная из разноцветных стёклышек, собранных в сказочные витражи.

На первом этаже в одном из окошек весёлый пастушок играл на своей свирели для кудрявых овец и пятнистой коровы.

В другом очаровательная красавица с русой косой плела венок из полевых цветов и смущённо поглядывала на пастушка из соседнего окна. У её ног сидели маленькие зайчики, козули и другие лесные обитатели.

Мой взгляд скользнул выше, на второй этаж, и я погрузилась в мир русской сказки, где Иван-Царевич сражается с трёхглавым драконом, а длинноволосая русалка, сидящая на огромном валуне, заманивает в свои лазурные воды Русского богатыря, и тот, склонившись меч к земле, послушно следовал на зов её волшебной песни.

Но тут до моего плеча дотронулись, и я обернулась...

На меня смотрела старушка и ласково улыбалась:

– Что, матушка моя, нравится?

– Сказочно красиво!

– Так прошу вас в дом, чтобы лучше рассмотреть все его достоинства.

Я поднялась по мраморным ступенькам и вошла в дом.

Конечно, я и раньше была в музеях, но ни разу не видела, чтобы в них жили люди.

Это был настоящий дворец. Мраморные колонны поддерживали балкон второго этажа, куда вела хрустальная лестница с золочёными резными перилами.

Старушка пригласила меня сесть в удобное кресло, а сама устроилась напротив и бесцеремонно стала рассматривать моё лицо. Её чёрные глаза, как рентген, проникали в мой мозг, и от этого мои руки покрылись мурашками и я вздрогнула...

– Что ж, – сказала старушка, – займёмся тем делом, ради которого вы сюда прибыли, Варенька.

– Постойте, постойте, я же не говорила вам, как меня зовут.

– Как не говорили? – засмузилась старушка. – А разве в нашем утреннем разговоре вы не должны были мне представиться, как это делают все приличные люди?

– Наверное, – неуверенно сказала я и опустила глаза к полу.

– Итак, Варенька, вы хотели купить дом?

– Да, я хотела...

– Что ж, пройдёте наверх, матушка моя, там всё и обсудим.

Мы стали подниматься по лестнице... Я едва прикасалась к перилам и старалась не дышать, уж слишком хрупким казалось это хрустальное чудо.

Всего один неосторожный шаг, и она рухнет вниз, а вместе с ней и я окажусь в куче хрустальных осколков, золотых кренделей и изящных цветов, украшающих её перила.

На втором этаже было несколько дверей. Мы прошли по коридору до самой последней, с двумя створками, украшенными декоративной резьбой. Искусному мастеру удалось вырезать на ней сказочные деревья с изящно изогнутыми ветками, на которых сидели диковинные птицы с распушёнными хвостами.

Каждое перышко было отлично от другого, словно ветер теребил их волоски, растрёпывал кончики и закручивал хохолки.

На головах у птиц были короны, а в свободной лапе по сочному яблоку. Вместо листьев маленькие колокольчики украшали ветки деревьев, а снизу ствол обвивали лианы с острыми колючками. Эти лианы пытались поймать птиц за лапки, но что-то мешало им, защищая пернатых красавиц.

Когда старушка растворила двери, заиграла музыка, словно ветер коснулся тех самых колокольчиков, что висели на ветках сказочного леса.

Мы вошли в комнату, и двери сами собой закрылись за нашими спинами.

У противоположной стены стоял стол с ножками – деревьями, работы того же автора, что и дверь, а за ним сидел маленький старичок и читал книгу.

Он перелистывал страницы не как обычно, от начала к концу, а наоборот, покончив с одной книгой, он взялся за другую...

– Егор Каземирович, я Вам Вареньку привела. Она дом купить хочет.

– Ту самую? – старичок поднёс к глазам пенсне и радостно запричитал. – Какая радость, моя дорогая, а то дом уже истосковался, поизносился без хозяйки за столько лет. Проходите, Варенька, не стесняйтесь. Документы подпишем и дом ваш, как говорится – берите и пользуйтесь.

– Подождите, разве так можно. Мне бы съездить, посмотреть его, а потом уж и сделку заключать можно. Я ведь даже не знаю, сколько вы за него хотите.

– Да сущие пустяки, матушка моя, – вмешалась старушка. – Сколько дадите, за то и купите. А с деньгами не спешите. Сначала дом посмотрите, а потом и решим, да только документы сейчас подписать надо, пока Егор Каземирович ещё здесь. А то уедет к осени в Питер, и дело затянется на неопределённый срок.

Опасность потерять дом заставила меня сесть за стол переговоров и взять в руки предложенные мне бумаги. Я стала читать...

Честно говоря, я не была сильна в юриспруденции и обычно подписывала бумаги не глядя, но в этот раз я попыталась прочесть...

Но что за ерунда, строчки начали двоиться, а буквы в словах менялись местами, и было совершенно невозможно уловить сути написанного.

Единственное, что я поняла, это то, что дом менял хозяев несколько раз и последняя его хозяйка скончалась 29 лет назад, ровно за год до моего рождения.

Старичок вложил мне в руки перьевую ручку, и я уже готова была подписать, но в ней не было чернил и тогда...

Я царапала бумагу и очень нервничала, так сильно, что голова закружилась, как тогда, в автобусе, и я вновь почувствовала во рту вкус крови. Капля вязкой, почти чёрной жидкости капнула на стол, а Егор Каземирович радостно вскрикнул:

– Вот и чернила.

Пока я не поняла что к чему, он макнул ручку в кровь и вложил её в мою руку.

– Подписывай, Варенька, не тяни, – ласково уговаривала меня Акулина Фёдоровна.

И я подписала...

Тошнота прошла, и кровь перестала капать...

– Ну, что же, дело сделано, можно и чайку попить – весело сказал старичок, почти заурчав, как делают это довольные коты, объевшись сметаны.

Мне не хотелось пить чай, мне нужно было выйти на свежий воздух, под ароматную виноградную лозу, чтобы окончательно прийти в себя.

Так я и сделала.

Никто не помешал мне, никто не остановил. Я вышла на улицу и обнаружила, что небо потемнело и звёзды, ещё бледные, туманные, но уже зажглись на его бесконечных просторах.

Вечер!

Как же быстро летит время. Положив в сумку папку с документами на дом, я поспешила к метро.

И в эту ночь я спала почти без сновидений...

Глава вторая

Дом из моего сна

Нужно спешить! На то, чтобы добраться туда и обратно, у меня всего один день. Электричка с Курского вокзала отходит ровно в девять часов утра, и я едва успевала позавтракать... Заставив себя проглотить бутерброд с сыром, я двинулась в путь. Закрывая входную дверь на все замки, я почему-то съёжилась, словно от холода, и ощутила в душе странное чувство – потери или расставания...

Это было так странно. Я уезжала всего лишь на один день и к девяти вечера собиралась вернуться домой, но... есть кто-то свыше, что устраивает нашу жизнь по своему усмотрению.

И вот я иду по незнакомой улице с маленькими домиками на окраине чужого города, теребя в руках тетрадный листок в клетку с нужным мне адресом.

Частный сектор – как называются эти районы, где людям повезло иметь свой домик и садик в черте города, почему-то наводил на меня уныние. Разбитая дорога, пыльная обочина и крапива в кювете.

Я всегда хотела иметь домик в деревне, где было бы можно спрятаться от суеты мегаполиса, но иметь дом в другом городе – эта мысль была мне совершенно чуждой, и если бы не этот сон...

И вот дом № 13 по улице Гоголя. Обшарпанная калитка вровень с высоченным забором, таким высоким, что перейдя на другую сторону улицы, едва можно было разглядеть крышу дома.

И тут я понимаю, что допустила непростительную оплошность, я не взяла у Егора Каземировича ключ...

Чем я теперь открою причину моей бессонницы?

Тут зазвонил телефон, и я услышала в трубке знакомое хихиканье:

– Матушка моя, вы забыли взять ключ от дома...

– Да, я поняла это только теперь, когда с таким трудом добралась до этого места, – сказала я, а про себя подумала, что это старушка умеет читать мысли.

– Не печальтесь, Варенька, я помогу вам открыть дверь, не сходя с места, – и старушка вновь начала хихикать, словно её кто-то щекотал.

– Здесь где-то спрятан ключ?

– Совершенно верно! И его нужно найти, матушка моя. Вторая доска в заборе, если считать от ручки двери – найдите её, Варенька. Она слегка качается. Отстраните её и просуньте руку. Нашупали ключ? Он висит по ту сторону калитки...

– Хорошо! Большое вам спасибо! Я перезвоню, когда посмотрю дом.

– Конечно, конечно, буду ждать, матушка моя. Удачи вам, Варенька! – сказала старушка и повесила трубку.

Я всё сделала так, как сказала мне Акулина Фёдоровна.

Доска поддавалась легко, и я просунула руку до самого локтя и начала исследовать доски. И вот я нащупала маленький ключик и уже почти сняла его с загнутого гвоздика, как мою ладонь пронизала острая боль.

Из последних сил я ухватила ключ и выдернула руку из щели.

В кулаке, наполненном кровью, лежал ключик. Я взяла его другой рукой и вставила в замочную скважину, и дверь медленно открылась, сопровождая этот процесс жутким визгом петель и скрипом засовов.

Я глубоко вздохнула и вошла во двор...

И всё изменилось...

День превратился в вечер, городская духота сменилась свежестью, почти весенней прохладой с ароматами весны, когда почки набухают на деревьях и лопаются, высвобождая липкие листочки, и земля покрывается первоцветами и изумрудной травой.

Я прошла по тропинке, что так часто видела во сне, и остановилась у двери в дом. Я потянулась к ручке и обнаружила, что рана на ладони почти затянулась.

Но теперь мне уже было наплевать на эти чудеса и странности...

Я толкнула дверь, и она открылась. В доме было темно и сыро...

Благодаря сну я пошла по намеченному маршруту и вошла в первую проходную комнату с двумя окошками. Здесь было чуточку светлее, а на столике я обнаружила огарок свечи в подсвечнике и спички. Они немного отсырели, но после третьей попытки мне всё же удалось зажечь свечу. Пламя разгорелось и осветило комнату.

Всё точно как во сне, только добавились запахи и усилилось ощущение волнения, почти ужаса. Моё сердце бешено забилося, я выскочила на улицу и схватилась за телефон, чтобы сообщить Акулине Фёдоровне, что сделка отменяется, но мобильный не работал.

Что я только не делала, чтобы вернуть аппарат к жизни, но тщетно, он остался бездыханным телом на моей ладони, и мне ничего не оставалось, как убрать его в карман. Следующим отчаянным шагом было выскочить за калитку и бежать как можно дальше от этого ужасного места, но и здесь меня ждало разочарование – калитка не открывалась. Её словно забили гвоздями с обратной стороны. Сколько я ни стучала, ни толкала её, она даже не шелохнулась, а доска, которую я отогнула, чтобы найти ключ, встала на своё законное место – намертво соединившись с братьями по забору.

Вот так попала! Хоть караул кричи, и то не поможет...

Пришлось вернуться в дом, не ночевать же на улице.

Пока я бегала и паниковала, небо совсем потемнело, и звёзды зажглись на небосклоне, пытаюсь соревноваться по яркости с оранжевой Луной, спрятавшейся на время за лёгкое облачко.

Со свечой в доме было гораздо уютней и теплее. Вынув из сумки тёплую кофту, я надела её и села в пыльное кресло. И моментально заснула, впервые за столько дней...

Но радость моя была недолгой...

– Смотри, смотри, она совсем не похожа на себя. Она совсем другая...

– Конечно, другая. Она родилась в новом теле, а старое давно покоится на кладбище, земля ему пухом.

– Какая разница? – присоединился третий голос, более грубый, чем предыдущий. – Похожа, не похожа. Главное, что она вернулась! И теперь наведет здесь порядок, а то совсем от рук отбились...

– Кто отбился-то, Александр Петрович? Кто отбился-то? – возмутился голос номер два.

– Как кто? Все! И вы, милочка, в том числе.

– Как вы смеете, милостивый государь, говорить, что я отбилась от рук. Я не комнатная собачонка, а потомственная графиня голубых кровей. Моя прабабушка была сестрой самого короля Англии.

– Да когда это было? – парировал грубый голос. – А сейчас вы просто пожелтевшая фотография и не более того.

– Как, впрочем, и вы, граф... – тихонько вставил первый голос, тоненький и печальный.

– А вы, сударыня, лучше бы помолчали! Вы здесь слова не имеете. И на фотографии вы совершенно случайно, по недомыслию моего непутёвого братца, который посмел жениться на прачке.

– Она белошвейка, а не прачка! – защитила девушку графиня.

– Какая, чёрт подери, разница, прачка или белошвейка? Она нам не ровня!

И Вареньке она не родня! Так пусть помалкивает, когда её не спрашивают.

– Не могли бы вы заткнуться, Александр Петрович? – раздался четвёртый голос.

Он был громче всех остальных. И его нотки выдавали превосходство.

– О, вот и наше домашнее привидение! – усмехнулся вечно недовольный граф. – Собственной персоной нарисовался. Значит, жизнь в доме постепенно оживает, сразу видно, что хозяйка вернулась.

Я лежала и слушала эту перебранку, и не могла понять, кому же все-таки принадлежат эти голоса. Я медленно открыла глаза и стала вглядываться в темноту...

На стене висели фотографии, и свет луны падал прямо на них.

Дама в шляпе с большими кружевными полями сидела в кресле и обмахивалась веером, а рядом стояла молоденькая девушка с потупленным взглядом и печальной улыбкой.

На другой фотографии большего размера стоял джентльмен с высокомерным взглядом. Задравши нос кверху, он позировал фотографу, чтобы тот как можно лучше запечатлел его графский профиль.

На поводке граф держал пару борзых собак, которые то и дело лаялись между собой и пытались укусить друг друга. Недаром говорят, что собаки зачастую похожи на своих хозяев.

Четвёртый голос раздавался из глубины комнаты, и говорящего не было видно.

Я привстала на локти, стараясь рассмотреть его, и тут меня заметили...

– Она проснулась! Цыц! Не смейте её пугать, господа настенные картинки!

Эта фраза принадлежала четвертому собеседнику, которого я не могла разглядеть. Но его голос приближался...

Дальше притворяться спящей не было никакого смысла, и я встала с кресла...

Фотографии на стене замерли, а четвёртый голос поспешил меня успокоить:

– Не стоит пугаться, дорогая, это просто фотографии, и не более того.

Ну, подумаешь, в полнолуние они позволяют себе лишнего...

Тебе это ничем не повредит, они болтливы, но совершенно безвредны.

Я подошла к окну, и собеседник был вынужден подойти поближе, и тут я его рассмотрела...

Он был высок и хорошо сложен, молод и красив.

Смелый взгляд умных глаз сочетался с ласковой улыбкой, что едва касалась его губ. Этот взгляд был почти нежным, любящим, с небольшой поправкой на лёгкую растерянность...

На нём была белоснежная рубашка с поднятым воротником и тёмные брюки. Очень просто и в то же время элегантно...

Но не внешность этого господина привлекла моё внимание...

Особенным в этом парне было то, что он был призраком.

Его тело пропускало через себя свет яркой луны, а туманные кудри на голове становились от этого почти золотыми...

Я смотрела не него, и мне казалось, что я сплю, и это – новый сон, что врывается в моё болезненное сознание... Но юноша подошёл ко мне и притянул руку.

В ответ я протянула свою, и наши пальцы соединились. Холодные и лёгкие, они коснулись моих лишь на секунду и проскользнули мимо.

– Ах, Варенька, как жаль... Видимо, сегодня не мой день. В следующий раз я постараюсь сосредоточиться.

Не сон! Это был не сон! И дом, и юноша, и говорящие фотографии, всё было реальностью.

– Кто вы? – спросила я призрака.

– Коль ты совсем не помнишь меня, Варенька, я представляюсь. А там, будь что будет...

Я Пётр Григорьевич Каховский. Русский дворянин и отставной поручик. Умер 13 июня 1826 года в Петропавловской крепости от рук палача в возрасте 29 лет. Был дважды повешен, но ни разу не побывал на небесах. Призрак высшей категории с возможностью материализоваться и частично обретать плоть, концентрацией своего эфирного тела. Так понятно?

– Приблизительно...

– Ты всё поймёшь, милая. Мы знакомы так давно, что для тебя не составит труда вспомнить всё, только чуть позже, когда ты немного успокоишься и придёшь в себя. Главное, что ты снова с нами, Варенька.

– Давно знакомы? И насколько – давно?

– Да уж лет как 150, не меньше, а что?

– Да, ничего...

Возмутительно, какой-то висельник говорит, что мы знакомы с позапрошлого века, как такое может быть?

Внезапно Пётр начал превращаться в туман и исчез, даже не попрощавшись...

Начало светать. Я вышла на крыльцо и посмотрела на небо. Звёзды таяли так же мгновенно, как и Пётр, растворяясь в лёгкой дымке утреннего тумана. Воздух был чистым и свежим, как роса на лугу. Он бодрил мой рассудок и освещал мои мысли. Настало время обдумать всё то, что со мной произошло.

Мысль, что я сошла с ума, теперь была несостоятельной. Всё здесь было куда более реальным, чем там, в другой жизни, по которой я неслась как угорелая. Судьба подарила мне возможность обдумать, кто я и зачем живу. И пусть фотографии разговаривают, двери открываются кровавыми ключами, а призраки утверждают, что мне 320 лет, и пусть...

Так тому и быть...

Я вернулась в дом и легла спать...

Глава третья

Мой первый рабочий день

Я думала, что жизнь в этом доме – отдых, время, данное мне судьбой, чтобы поразмыслить над тем, как я живу, но я ошиблась...

Новый день принёс мне новые трудности. Он стал моим первым рабочим днём в этом загадочном месте.

Как было в том стихотворении: *«Маленький уютный домик ищет свою хозяйку. Не лентяйку не зазнайку. Не на день и не на год этот дом хозяйку ждёт».*

Проснувшись в кресле, я обнаружила, что укрыта тёплым пледом, а под головой – маленькая подушечка, вышитая крестиком.

Как славно! И кто же у нас такой заботливый?!

Я леглась спать, когда уже почти рассвело, совершенно вымотанная, и вот я просыпаюсь спустя всего пару-тройку часов, и что я вижу?

А то, что на дворе – лето, что птицы поют на старой рябине у забора, и что я совершенно счастлива.

Ночь прошла без сновидений. Кошмарный сон ушёл навсегда.

Да, да, навсегда!

Он просто превратился в реальность...

В дневном свете комната показалась мне совершенно иной...

Я огляделась по сторонам и ахнула, она стала больше похожей на огромный зал для приёмов и балов. Обшарпанные стены превратились в изящно подобранный декор, состоящий из слияния разных стилей, так искусно, что китайский шёлк, находясь рядом с виниловыми обоями, смотрелся гармонично и естественно.

Старая мебель исчезла, и остались лишь изящные столики для чаепития и пара прозрачных сервантов для посуды. Стоя вдоль стены, они удачно вписались в интерьер зала.

Моё кресло явно было не отсюда, и стоило мне встать, как оно исчезло.

Босыми ногами я прошлёпала по тёплому паркету и попала в другую комнату.

Вот и моё кресло. Оно стояло под огромной пальмой, а рядом с ним его братья и сёстры, такие же чудесные кресла для дневного отдыха под сенью экзотических деревьев.

Я долго блуждала по своему «маленькому домику» с множеством отдельных комнат и не могла понять, что же такое случилось этой ночью и отчего моё новое жилище так подросло.

Наконец, добравшись до входной двери, я вышла на улицу. Здесь всё было, как и вчера. Тропинка в сад, высокий забор и калитка, которая вновь не поддавалась на мои уговоры выпустить меня на свободу.

– Не хочешь и не надо! – сказала я ей и показала язык.

Меня перестало волновать моё заточение, и, весело напевая себе под нос, я вернулась в дом.

С кухни пахло выпечкой и кофе, и я не ошиблась, всё это и ещё многое ждало меня на маленьком столике у печки. Я с удовольствием позавтракала и сказала очень громко, чтобы меня услышали:

– Огромное спасибо, господа, за столь дружеский приём и вкусный завтрак.

– Пожалуйста, милочка! – ответили мне голоса.

Я убрала со стола и помыла посуду, и тут за спиной я услышала тихое покашливание, словно кто-то желал привлечь моё внимание и не придумал иного способа, как стоять за спиной и пугать.

Я обернулась, но в кухне никого не было. Что же, надо привыкать! Кашлять они все горазды, а показаться среди белого дня – кишка тонка.

– Не тонка, Варенька, – прочитав мои мысли, сказал голос. – Просто это иногда бывает очень сложно... Я за предыдущую ночь все свои ресурсы израсходовал, а этой ночью я тебе буду нужен, так ты уж потерпи мой бестелесный вид.

– Ты что же, мысли мои читаешь? Так не честно!

– Сам знаю, что не честно, но читаю. Ты в этом теле такая странная и совсем меня не помнишь, вот я и стараюсь узнать тебя получше, прочитать твои мысли обо мне...

Прости меня, Варенька, я больше так не буду.

– Ну, ладно, эту тему – проехали, а что ты там говорил про эту ночь? Почему мне понадобится твоя помощь?

– Да, потому, что ты человек в доме – новый, и всех тонкостей пока не знаешь. Но ты ничего не бойся, я тебе помогу.

– Начало пугающее, чую, что дальше – больше.

Тогда я ещё не знала, как я была права.

День прошёл в изучении музея, в котором я оказалась зрителем. Чем больше я путешествовала по коридорам и закоулкам, там сильнее это место казалось мне знакомым. К вечеру я почти освоилась и даже подустала, и вкусный ужин, что ждал меня в гостиной, был как нельзя кстати.

Я поела изысканные блюда и даже не задумывалась, кем и из чего они были приготовлены.

За окном сгущались сумерки, и в доме зажглись свечи. Красивые переливы света на потолке рисовали замысловатые картинки. Я разглядывала их, разинув рот, и не заметила, как рядом на стуле прозрачная тень обретала человеческие очертания.

А на потолке языки пламени нарисовали луну, наполовину затянутую облаками, и летающий корабль, что плыл по небу с наполненными ветром парусами. Маленькие звёздочки показывали ему правильное направление, выстроившись в яркую стрелку, но тут налетел облачный шторм и проглотил корабль...

И я разочарованно охнула.

– А ты придумай другую историю, и она появится и закончится именно так, как ты захочешь.

– Господи, Петя, как ты меня напугал...

– Я напугал? Извини. Тебе придётся привыкнуть к моим вечерним появлениям. Уверен, пройдёт ещё немного времени, и ты сама будешь этого ждать.

– Возможно, я не спорю. А почему у тебя на шее какая-то красная полоса, от чего она?

– От петли, дорогая. Но она пройдёт, очень скоро пройдёт. Вот ты полюбишь меня как прежде, и она исчезнет...

– Как прежде? Раньше я тебя любила?

– Прежде – любила! – печально произнёс Пётр, и его изображение исказилось, как это обычно бывает, когда в телевизоре происходят помехи.

Мне стало его безумно жаль. Мало того, что он призрак, так ещё и повешенный при жизни. А тут ещё я со своей нелюбовью. И почему я его совсем не помню? Дом почти помню, а его – нет.

Часы на стене пробили десять, и сразу после десятого удара раздался стук... Я бросилась к входной двери, но за ней никого не было...

На улице было сумрачно, но ночь ещё не окрасила небо в чёрный цвет, и звёзды спали, но зато загорелся фонарь у ворот странным, фиолетовым светом.

Впервые я видела подобные фонари. Лампочка высоко-высоко на столбе горела тускло, невнятно, словно перегорала, но освещала двор как днём, даже лучше... Сад наполнился тенями, и они скользили по дому и забору, создавая волшебные картины, вроде тех, что я разглядывала на потолке в гостиной...

В калитку продолжали стучать, настойчивей и настойчивей, того гляди снимут с петель и ворвутся во двор... Что за навязчивые гости? Да ещё в такое позднее время...

– Открой, Варенька, стучат же...

Пётр стоял рядом и смотрел на меня большими встревоженными глазами, затем он отвернулся, уставился на калитку и замер.

Фиолетовый фонарь отражался в его остекленевших зрачках, и преломлённые лучи ударялись в калитку, пробивая её насквозь. За воротами стоял человек... Я увидела это его глазами...

Я повернула маленький ключик, и дверь с лёгкостью открылась, а ведь ещё утром этот процесс был для меня недоступен.

Растрёпанный юноша в рокерской куртке держал на руках окровавленную девушку. Её голова была откинута назад, и длинные волосы почти касались земли. По ним стекали струйки крови. В фиолетовом свете её пепельные волосы казались почти синими, и всё её тело, и одежда, и руки юноши, всё имело точно такой же цвет.

Я вышла за калитку, давая возможность юноше пройти, и замерла на дорожке по ту сторону забора:

– Я свободна! Я совершенно свободна! Я могу взять и уйти!

Выйдя на дорогу, я оглянулась по сторонам. Вот она – свобода, бери и пользуйся. Возвращайся в Москву в свою уютную квартиру и живи дальше...

Я сделала шаг в сторону свободы и остановилась...

А как же мой дом и бедный Пётр, и этот несчастный парень, что пришёл ко мне за помощью...?

Я нужна им! А кому я нужна – там? Кто ждёт меня в мире людей? Никто!

Я рванулась к калитке и захлопнула за собой дверь, окончательно сделав свой выбор – стать хозяйкой этого дома.

– Положите её сюда, – обратилась я к парню, предлагая опустить девушку на лавочку возле забора.

– Нет, что вы, я не могу отпустить её. А вдруг она умрёт? Нет, я должен быть рядом с ней...

Я стала осматривать несчастную. На вид ей было не больше шестнадцати лет, но на правой руке белело обручальное кольцо. Всё её тело было изранено и изломано. Руки висели плетьюми, и, взявши её за запястья, я поняла, что держатся они лишь благодаря коже и сухожилиям. Все кости были раздроблены и выступали острыми углами через кожу. Ноги были в кожаных брюках, но ступни болтались, как бельё на верёвочке.

Но при всём при этом из груди девушки доносилось хриплое дыхание. Она была жива. А через секунду её тело вздрогнуло, и глаза широко открылись. Она посмотрела на парня и улыбнулась... И в ту же секунду она исчезла.

Растрёпанный юноша всё так же стоял, раскинув руки и держа израненное тело, которого уже не было.

– Где она? – растерянно спросил он.

Я пожала плечами, и по моим глазам он понял, что я так же удивлена, как и он, если не больше.

Он закрыл лицо окровавленными руками и заплакал. Теперь я поняла, что парень пострадал не меньше, чем его исчезнувшая спутница. В его спине торчала здоровенная арматура, которая прошла через весь позвоночник и вышла в районе шеи. Он был словно нанизан на неё, как цыпленок на вертеле. Ужасное сравнение, но всё это выглядело именно так.

Но похоже, что травмы не беспокоили юношу, и он не чувствовал физической боли, только душевная рана приводила его в отчаянье.

– Она умерла! Умерла! Это я во всём виноват! Я убил её! Я!

Пётр подошёл к юноше и обнял его за плечи.

– Да, она умерла! Но ей уже не нужна наша помощь. Она в Раю. А вот у тебя будут большие проблемы, если ты сейчас не слушаешь меня и не сделаешь то, что я скажу. Видишь эту женщину, что стоит рядом?

– Да, я вижу её.

Юноша убрал руки от лица и посмотрел на меня.

– Варенька, возьми его за руку. Немедленно, пока не поздно.

Я тут же сделала, что велел мне Пётр, но за секунду до этого паренёк начал превращаться в туман, и в моей руке была странная субстанция в форме человеческой ладони. Она напоминала желе или пудинг, который таял при моём прикосновении.

– А теперь повторяй за мной:

Принимаю мир призраков и мир живых как единое целое.

Принимаю телесное и не телесное, как равное друг другу.

Человеческое тело отпускаю, а душу сохраняю,

И хозяйке этого дома свою душу вверяю.

Пока не пройдёт её час, клянусь не нарушать данную мною клятву, во веки веков.

А как пройдёт, следовать за ней без страха и сомнений.

Аминь...

Произнеся последнее слово в заклинании, молодой человек вновь обрёл своё тело, но уже не насаженное на арматуру, а совершенно целое.

– Вот так-то лучше, теперь и поговорить можно, – облегчённо вздохнул Пётр.

Я отпустила руку юноши, и мы пошли в дом. Там, в гостиной мы сели за большой стол, и Пётр начал задавать вопросы бедному юноше.

Тот отвечал сбивчиво и заикался, путал слова и кашлял, но Пётр был терпелив, и скоро мы узнали, что парня зовут Алексей, а девушку, его жену – Мариной.

Они встретились этой весной и уже через месяц решили пожениться. Свадьба прошла скромно, денег у молодых не было, и единственным их богатством был мотоцикл.

Их медовый месяц прошёл на колёсах в кругу таких же байкеров, разъезжающих по ночным улицам с сумасшедшей скоростью, пугая редких пешеходов.

В эту ночь они как обычно сели с друзьями на мотоциклы и понеслись по городу подобно ветру, но на повороте перед площадью мотоцикл молодожёнов попал в пробку и отстал от основной группы. Чтобы сократить разрыв, Алексей выехал во двор и помчался по маленькой улочке навстречу своей судьбе.

Детей он заметил в самую последнюю минуту, когда свет от фар осветил детские лица в нескольких метрах от мотоцикла. Девочка и мальчик перебегали улицу, держа на поводке непослушного пса. Он тащил детей, не давая им возможности оглядеться по сторонам. Алексей прореагировал мгновенно: вывернув руль, он съехал на обочину...

Мотоцикл попал в яму, вырытую строителями пару дней назад для замены труб. Ну, как у нас обычно бывает, разрыть разрыли, а зарыть забыли. Алексей наткнулся на арматуру,

а Марина упала вниз, на трубы, а сверху на неё упал искорёженный мотоцикл, соскользнувший вниз вместе с ограждением.

Единственное, что юноша помнил после падения, это то, что он оказался у калитки, и внутренний голос подсказывал ему стучать громко и настойчиво.

– Что же, теперь я поясню тебе, что случилось, – обратился Пётр к растерянному юноше.

Ты, мой дорогой, погиб мгновенно и, отделившись от тела, увидел страшные мучения своей молодой жены. В твою душу закрались сомнения по поводу Божьей милости и справедливости этого мира, и ты восстал. Твой гнев и желание ей помочь не позволили твоей душе отлететь на небо, и ты бы навсегда стал призраком этой улицы, если бы не Ангелы, что следили за вами, чтобы сопроводить ваши души в мир иной.

Они и привели тебя сюда...

Пока Марина была жива – твоя душа держалась за её тело, но стоило ей умереть, как ты оказался совсем незащищен. Прочитав заклинание, ты доверил свою душу этой благороднейшей женщине, хозяйке «Отеля для Призраков».

– Отель для кого? – переспросила я.

– Для призраков, моя дорогая. Для призраков! Но не для всех подряд, а для молодых людей, погибших в самом лучшем, в самом сладостном возрасте для земной жизни. Именно тогда уходить в мир иной трудней всего.

Алексею будет нелегко свыкнуться с его новым положением призрака, но он привыкнет и возможно когда-нибудь боль покинет его душу и она вознесётся к небесам, где воссоединится с душой его любимой.

Новоиспечённый призрак сидел молча, низко опустив голову.

А я, напротив, задрала её повыше и смотрела на Петра, пытаясь получить как можно больше информации, чтобы окончательно понять, в какую трясину меня засосало.

– Варенька, не смотри на меня так. Я ничем не заслужил твоего гнева. Открыть в этом доме «Отель для Призраков», чтобы хоть как-то скрасить им бестелесное существование в мире живых, была твоя идея...

– Моя? И когда же я это придумала?

– Скоро 300 лет как этот Отель принимает посетителей. Ты рождаешься и умираешь, и рождаешься вновь, и всегда возвращаешься в этот дом. Ты хозяйка и хранительница, но, что более важно, ты посредник между миром живых и миром душ. Та клятва, что прочитал Алёша, была для вас двоих. Он вверял тебе душу, а ты её приняла под личную ответственность, и когда придёт твоё время – умирать, ты заберёшь с собой всех жильцов Отеля и будешь стоять с ними рядом на суде Божьем, как адвокат ответчика. Когда все покинут Отель, он закроет на засов свои двери и будет ждать, пока ты не возродишься вновь и откроешь его – ключом, выкупанным в своей крови.

– Ты сказал – уйдут все... Но почему ты не ушёл вместе со всеми в день моей последней кончины?

– Я хотел уйти, но не смог. Я знал, что в мире мёртвых ты не удержишься надолго, а я хотел всегда быть с тобой. Помогать тебе, оберегать тебя.

– Но почему?

– Да потому, что я люблю тебя, Варенька.

Глава четвёртая

Имя твоей души

У всего что есть, и у всего, что когда-то было, есть своё название. Оно изменяется в зависимости от времени, эпохи и даже настроения, но то, что остается неизменным, так это имя, данное ему Богом при сотворении мира.

Бог дал имя творению своему – Человек, а содержанию его – Душа.

И каждому из людей он даровал имя, определяющее его земную суть, или иными словами – судьбу, в данной, отдельно взятой жизни...

Так кто же я такая? Как моё имя? Почему я ничего не помню из своих прежних жизней? А ведь должна же!

Иначе как бы я справлялась со всеми этими проблемами, налетевшими на меня так внезапно. Ведь всего каких-то там 150 лет назад Петра со мной не было, так, может, был кто-то другой? Но кто?

Я лежала в кровати и размышляла, а за окном вставал рассвет, и комната становилась розовой. А затем солнце поднялось выше и солнечные зайчики забегали по стене и по старинному гобелену с белоснежным замком на высокой горе.

И я заметила, как в его окошках потушили свечи, встречая новый день, и они загорелись отсветами от алой зари. И весь замок стал кроваво-красным.

Ветер дул из-за гор и качал величавые деревья у подножья скалы, на которой стоял замок. А над самой высокой башней, почти задевающей за облака, летели утки, спеша к берегам горного озера, чтобы насладиться жизнью и вывести потомство...

Волшебство?

Думаю, что это нечто иное. Умение видеть больше, чем кажется на первый взгляд. Проникать в суть вещей и понимать то, что они хотят тебе поведать.

Этот замок и многое другое, вроде тех пожелтевших фотографий с говорящими персонажами, всё это теперь было частью моей жизни, моей реальности. И я должна к этому привыкнуть...

И тут я вспомнила про ночного гостя и вскочила с постели...

С кухни пахло ароматным кофе, и я поспешила сесть за стол...

Но завтракала я одна, даже полупрозрачное тело Петра не составило мне компанию. Помыв за собой чашку, я направилась в гостевую комнату, куда вчера поселила Алексея.

На двери появилась табличка, которой ещё вчера не было, я это точно помню.

Комната № 1 – было выбито на золотой дощечке, а ниже красивыми прописными буквами с крендельками и завитушками было написано имя постояльца – Алексей.

Я открыла дверь, но в комнате никого не было...

Постель осталась не расстеленной и даже не примятой, но я чувствовала присутствие призрака.

– Ты здесь?

После минутной тишины я услышала тихое всхлипывание.

В дальнем углу комнаты, прямо на полу сидел Алексей, больше похожий на туман.

Он горько плакал и его прозрачное тело вздрагивало. Оно то исчезало, то появлялось вновь, а когда я подошла к нему, он и вовсе растаял, как лёгкое облачко.

– Алёша, так нельзя. Что проку убиваться по тому, что уже нельзя изменить. С твоей женой всё хорошо, она сидит на розовом облаке и ждёт тебя. И для неё время вашего расставания пройдёт незаметно... Ты с ней на расстоянии одного вздоха...

– И чей это вздох?

– Да мой, глупыш!

Ты с ней на расстоянии моей жизни. Когда я умру, ты уйдёшь на небо вместе со мной. Осталось подождать совсем немного... И постарайся воспользоваться этим временем для чего-то полезного...

– Для чего же?

– Ну, хотя бы для того, чтобы научиться не рыдать, как девчонка, а стойко переносить трудности. Научиться терпению и умению мыслить.

– Так значит, чем раньше вы умрёте, тем быстрее я попаду к своей любимой?

– Ты совершенно прав, но не думаю, что стоит делать акцент на слова «чем раньше». Какой смысл торопиться туда, где тебя ожидает вечность?

– Как сказать! Ведь вы возрождаетесь постоянно, почти без перерыва, и может так случиться, что я попаду на небо, а моя любимая вновь обретёт тело, и уже я буду ждать её и там, до бесконечности...

Я не знала, что сказать. Искерпав все доступные мне доводы, я стала мысленно звать на помощь всезнайку Петра, и он не заставил меня долго ждать...

В дверь постучали, и, не дождавшись ответа, в комнату вошёл Петр.

– Как наш гость?

– Да вот, хочет, чтобы я поскорее загнула! – усмехнулась я, но на душе скреблись кошки, и чувство опасности наполняло сердце.

Алёша посмотрел на Петра исподлобья с нескрываемой неприязнью.

– Что пришёл? И без тебя тошно, господин вечный Призрак. Думаешь, что сможешь уговорить меня стать бесчувственным и послушным? Ничего у тебя не выйдет, и не надейся! Я всё равно буду думать о своей любимой... И спешить к ней...

– Я не собираюсь никого уговаривать... у меня и так дел полно... Можешь продолжать своё нытьё, мы не станем тебе мешать. Пойдём Варенька, мы здесь лишние...

Когда мы вышли за дверь, Пётр заговорил шёпотом:

– Плохо дело, этот парень неуправляем. Ума не приложу, что с ним делать.

– Если ты не знаешь, то откуда знать мне?

– Раньше ты и не таких приручала...

– Раньше? Но я ничего не помню из того, что было раньше. Может, пришло время рассказать мне об этом?

– Может, и пришло... Пойдём в гостиную, там и поговорим, подальше от чужих ушей, – и с этими словами он покосился на дверь под № 1.

Но вместо гостиной он повёл меня в комнату с удобными креслами под сенью экзотических растений. Когда я устроилась поудобнее, он начал свой рассказ...

– Шёл 1691 год от рождества Христова. В двухстах километрах от Москвы, в маленькой деревушке у самого леса жила старушка с внучкой Варенькой.

Рождению девочки, предшествовала череда событий, весьма загадочных и таинственных даже для той поры, когда люди ещё не позабыли свои истоки, когда в лесах жили лешие и кикиморы, а в реках русалки да водяные.

Бабушка девочки была уважаемой женщиной, и не только в этой деревне...

Слава о чудесной целительнице шла по Руси великой, и многие пускались в путь в надежде на исцеление от своей хвори.

Всем помогала добрая старушка, а судьбы своей дочери изменить не смогла.

Звали девушку Марией, и была она красы сказочной. Многие заглядывались на неё, сватов засылали, но всем отказывала она, видно, никто не был мил девичьему сердцу.

Целыми днями бродила она по лесам и полям, собирала травы и корни для снадобий своей матушки, и не было для неё ничего слаще, чем чувство свободы...

И вот, однажды, постучал в их дом путник, ослабленный и израненный...

Как и где получил он эти раны, о том умолчал, но почти целую неделю пролежал он без сознания на лавке. И поила его старушка всякими целебными отварами, пока в одно прекрасное утро он не открыл глаз...

Синие озёра, без брода и края, глядели на Марию, и не было у неё сил отвергнуть этот пылкий взгляд. И зародилась в сердце девичьем любовь, чище и сильнее которой не было ранее в тех местах...

Солнце сияло, птицы пели, и стояла осень золотая, не пуская холода в их края, пока были наполнены любовью их сердца...

Но всему есть начало и конец...

Раны на спине гостя постоянно кровились. Сперва они походили на два нароста без кожи с грубыми краями, но постепенно эти наросты отпали, а раны подсохли, оставив два параллельных шрама на спине, но вскоре они вновь начали расти...

Маленькие холмики набирали силу, они зудели и чесались. Сон юноши стал беспокойным и чутким. Лежать он мог только на боку, и в одно воскресное утро наросты превратились в два белых крыла, окропленных кровью. Два маленьких крыла, слабеньких, скукоженных, но за неделю они окрепли и выросли и пришло время прощаться...

Ангелом был тот юноша, что спустился с небес, в наказание за свои деяния с обрезанными крыльями и опустошённой душой.

Всё, что искал он на земле, всё было им найдено, но когда он улетел, то забрал больше, чем ему полагалось, и оставил более того, что у него просили.

Забрал он душу Марии, а оставил её тело с младенцем во чреве...

Наступила зима, и не было ей ни конца, ни края...

В других местах уже давно бушевала весна, но в этой деревне время словно остановилось...

Долгие месяцы ухаживала старушка за бездушным телом своей дочери. Кормила и поила его, а в это время внутри у той рос плод любви – дитя Ангела...

В день её рождения весна вновь пришла на землю Русскую, потекли ручьи, и запел свою песню долгожданный соловей, а спустя несколько дней и лето наступило.

Так за одну неделю сменилось сразу три времени года. Вот такие бывают чудеса!

Разговору о тех чудесах было немало, да только спустя несколько лет их стали называть – сказкой.

Но одно самое главное чудо осталось для людей незамеченным... Росла девочка Варя тихой, скромной... Людей сторонилась, но в помощи никому не отказывала.

Сразу после родов умерла её матушка – тело бездуховное, а спустя 13 лет умерла и бабушка, оставив в наследство любимой внучке свой травник и накопленные знания.

Стала Варенька знахаркой и ведуньей, и многие приходили к ней за помощью, но вскоре, стали стучаться в её дверь и необычные гости...

Души внезапно умерших искали защиты в её доме, искали и находили её...

Так появился самый первый гостевой дом для Призраков. Долгими зимними вечерами сидели они за большим столом и коротали время за рассказыванием историй...

И так долгие годы...

Число гостей постоянно росло, и люди, живущие в деревне, стали обходить дом знахарки стороной.

Ночью дом светился голубоватым светом, и странные серые тени то и дело появлялись на ветхих ступеньках.

Собаки в деревне лаяли все ночи напролёт, пока не издохли – разом. Это вконец испугало соседей, и они перестали покидать свои дома в ночное время. Но это было только на руку молодой хозяйке «странного дома»...

Дом постоянно увеличивался в размерах, как в вышину, так и в высоту, а на ту пору это было чудом большим, чем сами призраки.

Прожила Варвара всего пятьдесят лет, и в час, когда она умерла, вместе с ней ушли на небо более семидесяти душ, ждущих упокоения в небесах обетованных.

Но спустя двадцать лет в заброшенный дом пришла молодая девушка, и всё началось сначала...

И так по сей день, ты умираешь и возрождаешься вновь, это твоё предназначение, доставшееся по наследству от отца, ведь он был не кто иной, как Ангел смерти и приходил на землю за душами, не находящими пути на небо.

Адом...?

Он изменяется в зависимости от эпохи, в которой ты живёшь. Он стал куда больше и шикарнее, чем та развалюшка у леса триста лет назад, но это и понятно, так как и призраков с каждым годом становится всё больше и больше...

Страшные аварии, землетрясения, теракты, всё это множит армию призраков, а ты их собираешь под своё крыло.

Но вот беда, с каждой жизнью тебе всё сложнее находить этот дом и тогда мы организовали команду имени – тебя.

Агентство «Варвара» занимается недвижимостью, но это лишь прикрытия. Основной его целью является нахождение новой хозяйки «Отеля для Призраков», а также всяческой помощи ей по розыску и оповещению призраков о местонахождении приюта.

Вот вроде и всё... Конечно, я знаю далеко не всё, Варенька. Возможно, Акулина Фёдоровна расскажет тебе больше...

Глава пятая

Агентство «Варвара»

Мы сидели молча... Жаркий полдень сменился прохладным закатом, и наша тишина прервалась стуком в дверь...

– Новые гости?

– Да, Варенька, твои гости всегда приходят в сумерках.

– Тогда пойдём открывать...

На пороге стоял мальчик, худенький, бледненький, с опущенными плечиками и почти седыми волосами.

Он натужно улыбнулся и протянул мне конверт.

Было заметно, что он волнуется, и руки паренька дрожат, протягивая мне письмо.

Взяв послание, я стала его разглядывать, что ещё больше увеличило напряжение, витающее в воздухе. Зубы гостя застучали, а с правым глазом случился нервный тик.

Не обнаружив адреса на конверте, я машинально обратилась к юноше:

– Вы уверены, что это письмо для меня?

– Уверен! Для Вас и только для Вас!

– Хорошо...

Я открыла конверт и достала письмо. На пожелтевшей бумаге аккуратным подчерком было написано следующее:

Дорогая Варенька!

Я посылаю тебе этого юношу в качестве добровольного помощника. Он очень талантливый молодой человек и обладает массой достоинств, полезных для нашего общего дела...

Он видит как прошлое, так и будущее, владеет телепатией и телекинезом, а также, что очень важно, способен к левитации и при каждодневных тренировках может развить эти способности до состояния планетарных масштабов...

Надеюсь, что ты, матушка моя, не рассердишься на меня за этот «подарок».

Юношу зовут Николай Зорин, но ему нравится, когда его называют Ник...

Уверена, что он тебе понравится...

Твоя Акулина Фёдоровна...

P.S. До скорой встречи!

Я посмотрела на юношу и протянула ему руку:

– Ну, здравствуй, Ник, рада приветствовать тебя в нашей малочисленной компании.

– Я рад! Ох, как я рад!

Ник облегчённо вздохнул и оживился. Дрожь прошла, и глаз перестал дергаться. Видимо, мой приём волновал его больше всего... А вдруг я откажусь от его услуг и выгоню вон... Вот, глупыш!

– Проходи в дом, там и поговорим, – пригласила я Ника.

А когда он вошёл во двор, я выглянула на улицу.

В фиолетовом свете фонаря улица казалась волшебной, сказочной. Окна в соседних домах были погашены, и только бледный свет моего личного фиолетового светила растекался по узкому пространству, ровно удаляясь до конца улицы.

И тут я увидела тень, она скользнула за угол соседнего дома и исчезла. Вот тебе и раз. Я сделала несколько шагов в её направлении, а Пётр с Ником выглянули из-за калитки...

– Что там, Варенька? – спросил Пётр.

Я прижала палец к губам и сделала ещё один шаг...

После минутного ожидания послышался шорох, и тень коснулась дороги, но видимо, заметив меня, бросилась восвояси...

– Что нужно этому призраку и почему он боится подойти? – размышляла я вслух.

– Это не призрак, а человек!

Ник говорил шёпотом, словно боясь, что нас услышат...

– Человек? Но кто он?

– Этого я не знаю, но мысли его не сулят нам ничего хорошего.

– Ты читал его мысли? – изумлённо вскрикнула я.

– Нет, я не умею читать мысли, но чувствую их... Они были наполнены негативом и злостью. А ещё я слышал, как он шептал чьё-то имя – Азazelь...

Я поспешила закрыть калитку и укрыться в доме.

Мне было не по себе от подобного открытия. Оказывается, что-то, чем я занимаюсь, не является тайной для окружающих... За мной следят, а возможно и охотятся, а я даже не могу предположить, кто эти люди, и что нужно от меня этому загадочному Азazelю...

В доме было тепло и уютно, и я позабыла о страхе... Но Пётр не забыл. Его страх был не за себя, а за меня... Его чёрные брови сошлись у переносицы, и он выглядел рассеянным. Вскоре он стал таять и исчез...

Я хотела окрикнуть его, но не стала. Пусть отдохнёт, а у меня было чем заняться...

– Ну, что же, Ник, расскажи о себе?

Паренёк, видимо, ждал этого вопроса и затараторил ранее заученную биографию.

Я – Коля Зорин, мне вчера исполнилось 16, а сегодня я уже с Вами. Как давно я ждал этого, но Акулина Федоровна сказала, что до 16 лет в Отель нельзя. И я ждал...

А как не ждать? Что у меня была за жизнь? Сплошной ад.

Всё моё детство и отрочество я был изгоем, белой вороной, в которую разве что ленивый не кинет камень, не оскорбит и не унижит.

Я жил в интернате, а моя родная мать решила забыть о моём существовании, и родила себе другого ребёнка, нормального, не то, что я.

Ну, да ладно, я не в обиде на неё. По крайней мере, она не бросалась в меня камнями, как это делали все остальные.

Когда мне надоело терпеть издевательства, я разозлился и мой гнев превратил здание интерната в руины.

Не удивляйтесь, я могу создавать предметы, а вернее – материализовать их одним взглядом и силой мысли, а разрушать ещё проще.

Стены старого барака сложились как карточный домик и похоронили под собой 56 человек. Потом начался пожар, и всё сгорело дотла...

Выжил я один...

Меня забрали в психушку и, пока я не сбежал оттуда, нещадно пичкали таблетками, от которых страшно болела голова и тошнило.

Всё это время за мной по пятам летали два призрака. Это мальчик Саша и девочка Маша. Они были маленькими и ничего плохого мне не сделали, но я их убил...

Постепенно мы подружились, и они простили меня, поняв, как нелегка была моя жизнь в этом интернате...

Мне было безумно стыдно за то, как я поступил с ними, но, к сожалению, время нельзя повернуть вспять... По крайней мере, я так думал.

Когда я убежал из больницы, дети проводили меня к Акулине Федоровне, а та приютила меня на целый год, и всё время читала мне наставления, как я должен вести себя, как должен сдерживать свои эмоции и развивать таланты на благо общества, чтобы загладить страшный грех убийства невинных.

Дети всё это время находились рядом, но вчера, в День моего рождения, я встал перед ними на колени, ещё раз попросил прощения и отпустил на небо...

Они уже готовы были сделать этот шаг, и господин адвокат, Егор Каземирович Вяземский, указал им путь. Прямо в гостиной, на потолке...

Это было прекрасно! Я видел, как он открыл проход, и тот засветился всеми цветами радуги, и такая сила исходила оттуда, такая мощь. Мне показалось, что эта щель засосёт и меня, но она забрала только детей. Они взлетели вверх, на секунду задержались, чтобы помахать мне рукой, и исчезли.

Я долго плакал, но когда мои слёзы иссякли, я почувствовал облегчение, что их души обрели покой.

А на следующее утро Акулина Федоровна написала вам письмо и собрала меня в путь, сказав, что только сейчас я готов вступить в вашу группу по спасению душ.

До этого она рассказывала мне о вас, и я был поражён вашей стойкостью и упорством. Столько жизней подряд вы посвятили спасению душ тех, кто, возможно, и не заслуживал сострадания... Но не для вас!

О, нет!

Для вас они все были равны...

Я внимательно слушала Николая, и сначала он показался мне психом или даже маньяком.

Этот юный господин без малейшего колебания стёр с лица земли целый интернат, отправив в мир иной 56 человек, но по мере его повествования я поняла, что он меряет происходящее другими критериями, отличными от моих.

Но главное – то, что парень искренне сожалел о содеянном, и это было совершенно точно, иначе бы Акулина Фёдоровна не направила его сюда в помощь новоиспеченной домоправительницы «Отеля для Призраков».

Итак, в нашем полку прибыло, и я была очень рада. Я не умела читать мысли и всё такое, но в глазах этого юноши светилося добро его души...

В дверь постучали, и я вздрогнула. Нужно было идти открывать, а Петра всё ещё не было.

Ник пошёл со мной, но держался поодаль...

У калитки стояли две девушки и парень. Лица у них были унылые, а самая младшая из гостей плакала, вздрагивая всем телом...

– Проходите, не стесняйтесь, – сказала я и отступила от калитки, давая им возможность пройти, но их тела прошли сквозь меня, и девушка зарыдала в голос:

– Мы умерли! Как такое могло случиться?! Почему мы умерли?

Я не знала, почему они умерли, но поспешила протянуть им руку для скрепления договора.

После произнесения заклинания их лица переменились, в них появилась лёгкость, почти радость, и девушка перестала плакать. Несмотря на туманность их образов, одежда разгладилась от складок и помятостей, и к ней вновь вернулись краски.

Я повела их в дом, не выпуская руку самой младшей. Она держалась за меня очень крепко, если это понятие можно использовать в характеристике к призракам.

Отложив все вопросы к гостям до следующего утра, я проводила их в свои комнаты, а сама спустилась вниз, к Нику.

Беспокойство росло. Петра не было, и я ходила по комнате, измеряя её шагами от стены до стены.

Это продолжалось около часа, и тут в дверь тихонько постучали...

Открыв, я увидела на пороге Акулину Федоровну:

– Вот и свиделись, матушка моя! – воскликнула старушка и крепко обняла меня за плечи.

За спиной стоял Пётр, и я облегчённо вздохнула.

– Где ты был?

– Не серчай, Варенька, он за мной летал. Непокойно тут у вас, и Пётр разволновался. Я ведь к вам на следующей неделе собиралась, но не дотерпела.

Выглянув за калитку и убедившись, что там никого нет, я повела гостью в дом.

– Ах, как хорошо! Как давно я здесь не была. Соскучилась. Так вот, я по какому поводу...

За вашим домом следят, об этом мне рассказал Пётр, а на днях ко мне приходил странный молодой человек и пытался узнать, не знаю ли я, где находится «Отель для Призраков». Я ответила, что нет, а он усмехнулся и исчез.

Такого раньше никогда не было. Отель охраняла небесная канцелярия и всецело отвечала за него и за его инкогнито. И вот тебе, пожалуйста...

А вчера в мой почтовый ящик бросили газету, а там это объявление. Вот, Варенька, прочитай, пожалуйста.

Я взяла газету и прочла объявление:

Агентство «Варвара» предлагает свои услуги в поимке и задержании призраков, полтергейстов и другой домашней нечисти.

Организует сеансы для встречи с душами умерших для их родственников и знакомых. Адрес в Москве: Переулок Вечности, дом 3/2

– Что за бред!? Кто это написал? – возмутилась я.

– Это очень интересный вопрос, матушка моя, и ответ на него нам ещё следует отыскать.

Но как бы это парадоксально ни звучало, но идея с объявлением мне понравилась. И если кому-то так приспичило, чтобы мы ловили призраков, отбившихся от рук, мы будем это делать, и тогда написавшие объявление сами выдадут себя и будут рассекречены.

– Ну, допустим! Мы оставим объявление, но получается, что мы будем обманывать людей, даруя им надежду?

– Ас чего ты взяла, матушка моя, Варенька, что мы будем обманывать людей?

Напротив, мы будем делать всё, что предлагается в объявлении. Ты будешь ловить призраков, а мы с Егором Каземировичем займёмся общением усопших с их скорбящими родственниками. Уверена, мы ещё и денег заработаем!

Акулина Федоровна прикрыла рот рукой и захихикала.

Мы прошли в дом, попили чайку и Акулина Федоровна засобиралась...

– Мне пора, матушка моя. Будем держать связь по телефону. Целую вас, дорогие мои.

Проводив старушку до калитки, я чуть не расплакалась. Уж очень нравилась мне это странная тётенька, с аристократическими манерами и потрясающим чувством юмора.

Закрыв за ней дверь, я вернулась в дом, но не успела лечь спать, как зазвонил телефон и в трубке раздался встревоженный голос Акулины Федоровны:

– Варенька, на 45 километре Ленинградского шоссе случилась страшная авария, тебе бы не мешало туда съездить...

Глава шестая

То, что случилось на рассвете...

Это случилось на рассвете. Когда я попала на место катастрофы, утренний туман почти рассеялся, и я могла детально оглядеть окрестности.

Я ещё никогда не видела ничего подобного...

Водитель Камаза, не справившись с управлением, выехал на встречную полосу и на всём ходу снёс сразу несколько автомобилей.

Сколько их и каких марок – сложно было определить, теперь это было лишь огромное кладбище металлолома...

Я стала искать пострадавших...

Стояла такая тишина, жуткая тишина. Птицы замолчали, их утренние песни больше не пронизывали прохладный августовский туман...

И ветер, он тоже молчал...

Станным было ещё и то, что ни одна машина не загорелась, хотя кругом был разлит бензин, он походил на лужи после ливня, и в каждой из них отражалось небо с цветастой радугой в центре.

Я стала считать лужи, и их оказалось семь. Семь легковых машин плюс Камаз...

Не слабо! И откуда здесь такое столпотворение в пять часов утра?

И тут я увидела первое тело, а вернее, оно состояло из двух частей. Это была женщина средних лет и очень полная...

Половина туловища, та, что с головой, беззвучно открывала рот и пыталась мне что-то сказать, её руки дёргались, и пальцы пытались ухватиться за траву и выдёргивали её с корнями.

В метрах трёх от первой части лежала вторая, ноги пытались привстать, и от этих попыток из неё вываливались внутренности и окрашивали землю рядом с телом в ярко-красный цвет.

Тошнота подступила к горлу... Бедная женщина!

Я понимала, что тело мертво, но почему же тогда оно ещё не потеряло рефлексы и почему борется за жизнь, как будто душа ещё не оставила его?

Дальше лежала женщина, совсем юная, и она точно была жива, но раны, нанесённые при столкновении, не оставляли ей ни одного шанса на спасение...

Из ноги был вырван огромный кусок мяса, оголив кость, а часть бедра и живот были словно срезаны чем-то очень острым...

Она дышала, и сквозь рану было видно, как раздувается её лёгкое, наполняясь воздухом.

– Помогите мне, прошу вас! – стонала она.

Я стала набирать на мобильном спасательную службу, но ровный и бесчувственный голос сообщил, что я нахожусь вне зоны доступа сети...

Я не могла ничего сделать, но пообещала, что помощь уже на подходе... А про себя подумала – Господи милосердный, прекрати её страдание и подари ей покой!

Дальше... Господи, я иду дальше...

Кисти рук, ступни ног, искалеченные тела с нелепыми, невероятными признаками жизни.

Они двигались, дёргались, пытались соединиться...

Я наклонилась к оторванной руке и дотронулась до указательного пальца, рука вцепилась в моё запястье и потянула к себе, я не могла сопротивляться. Сила, с которой меня тащили, была далеко не человеческая, что-то иное находилось в этих телах.

Мне стало страшно... А рука ползла по траве, и я, согнувшись в три погибели, шла за ней.

Под искореженной машиной, куда меня затащила рука, лежал младенец. Маленькая девочка в кружевном платьице, и она была мертва.

Совершенно...

В отличие от остальных она была без движения и не дышала. Голубые глазки были широко открыты, и, кроме пустоты, в них ничего не было.

Тут рука отцепилась от меня, и я смогла вытащить малышку из-под машины.

Девочке было не больше года. Беленькие волнистые волосики и глазки цвета неба.

Смерть не успела стереть с её лица лёгкий румянец и не забрала сочный окрас пухлых губок.

Положив ладонь ей на лицо, я закрыла девочке глаза.

– Спи с миром, дитя...

Пётр, Ник, где вы? Вы так нужны мне!

– Мы здесь, Варенька... Не плачь!

Пётр появился из тумана, таща за собой растерянного Коленьку. Он подошёл ко мне и смахнул слезу с моей щеки. Его ладонь была прохладной, но такой нежной и заботливой, что я закрыла глаза...

– Пора за работу, Варенька! Ты уже поняла, что здесь произошло?

– Нет, конечно, что я могла понять? Эти тела как сума сошли...

И одна женщина ещё жива, но помочь ей нельзя, и до «Скорой» я не дозвонилась.

– Все эти люди мертвы, Варенька, но ими управляет один, очень сильный призрак, который мы и должны вычислить. Ник, пришло время показать, на что ты способен. Ведь мы одна команда.

Ник стал подходить к мёртвым телам, и так шёл дальше и дальше, прикасаясь к каждому кончиками пальцев, а потом презрительно вытирал их о штаны и морщил нос.

Это занятие было ему не по душе, но он хотел доказать свою компетентность и нужность, и ничто не могло остановить его, даже кровь на брюках и слипшиеся пальцы.

Что бы ни говорил Пётр, я всё же была уверена, что девушка ещё жива, она стонала и протягивала к нам руки, и стоило Нику наклониться к ней, как она схватила его за шею и начала душить...

Мы с трудом оттащили её, а на шее юноши её цепкие пальцы оставили малиновые борозды...

Парень давился и кашлял, и перебирал все известные ему ругательства:

– Вот, зараза! Сволочь! Мерзавка недобитая!

А девушка продолжала корчиться и хрипеть, хватаясь за воздух окровавленными руками.

Но меня поразила вовсе не эта гиперактивность полумёртвой особы, а её рана. Она была ужасна, кровь запеклась и чёрная корка затягивала её целиком от бедра до искореженной ноги. Теперь-то я понимала, что она не могла быть живой, но что-то яростно боролось за сохранение этого тела, чтобы использовать его в своих целях.

От всех этих манёвров, что она выделявала, её кофточка сползла к шее и белоснежная сияющая кожа и пышная грудь никак не вязались с изуродованным телом.

– Она мертва, как и остальные, Варенька. И если мы не найдём призрака, она станет зомби, видимо её тело понравилось ему больше остальных.

Пётр пытался разъяснить ситуацию, видя, как я мучаюсь в догадках. А несчастный Ник наконец-то успокоился, и мы продолжили поиски.

Обойдя всё место катастрофы и не найдя тело, принадлежащее призраку, мы встали поодаль, чтобы провести внеочередное собрание нашей команды.

– Я предлагаю собрать все тела в одну кучу: руки, ноги, головы и посчитать, сколько же людей здесь погибло на самом деле. Обыскать машины и под ними, облазить каждый уголок, каждую щелку, а тогда уже делать выводы...

Идея Петра нам не очень нравилась, особенно после случая с визжащей барышней, но так как сами мы ничего предложить не могли, решили принять его как единственно верный.

Выбрав свободное место рядом с дорогой, где зеленел сочный ковёр травы, мы начали своё грязное дело. Эта работа заняла не меньше часа.

Мы растаскивали трупы на три кучки.

Целые тела, а их было мало – визжащая дама, водитель крайней машины, пострадавший меньше всего, и труп грудного ребёнка мы положили в первую.

Во второй кучке были части тел. Их мы пытались присоединить друг к другу, но эти пазлы нам были не по зубам.

Лицо одной женщины показалось мне очень знакомым, словно я знала её... Я наклонилась и закрыла ей глаза... Найти её ноги мне не удалось, и я решила, что их зажало в машине, и они находятся в другой куче, третьей и самой страшной...

В ней было всё то, что при тщательном рассмотрении когда-то было человеческими телами. Эти куски мяса словно побывали в гигантской мясорубке...

В результате у нас получилось десять почти целых тел, пять частичных и груды мяса, потемневшего и подсохшего, как залежалый товар на магазинных прилавках.

– Итак, господа, осталось выяснить, кто он!

Пётр взял за руку Ника и повёл к телам.

Тот долго разглядывал их и, наконец, повернулся к нам и доложил о результатах расследования:

– Единственное тело, что подходит для призрака, это тело маленькой девочки. Оно словно застыло, замерло. Оно не подвергается изменению и разложению. И если честно, я не совсем уверен, что малышка мертва...

– Как не уверен?! – воскликнули мы хором.

– Да так! Сами посмотрите.

Мы наклонились над ребёнком, и мне показалось, что её ресницы вздрогнули.

Я даже отстранилась от тела и чуть не упала, споткнувшись о мёртвого мужчину, попав рукой в его растерзанную грудную клетку.

Я пыталась вытереть окровавленную руку о мокрую траву, но тщетно...

Меня начало рвать...

Пока меня выворачивало в дорожный кювет, Пётр с Ником отнесли малышку подальше от трупов, и Пётр начал читать молитву.

Я не могла расслышать, о чём она, но зато я видела, как небольшой смерч завертелся у него над головой. Он набирал высоту и силу, пока не поглотил ребёнка вместе с Петром и Ником.

Из женщины, что стонала и кричала до сих пор, вырвался столб света и полетел в сторону туманной завесы... А следом за световым потоком устремились в том же направлении ещё множество крошечных искорок, отделившихся от человеческих фрагментов...

Когда туман рассеялся, я увидела следующее, ребёнок громко плакал на руках у Ника, а Пётр, потеряв остатки сил, превратился в прозрачное желе.

– Живая! Она живая? – радостно закричала я.

– Стой, Варенька, не подходи сюда! Это может прервать её жизнь. Призраков тянет к тебе как пчёл на мёд. А душа девочки ещё не до конца освоилась в теле, и для этого нужно время... Побродив по мёртвым телам, она изрядно нахваталась гадости... Сложно предположить, как это отразится на малышке...

Я отошла в сторону, чуть не плача. Какая несправедливость, как к трупам, так я первая, как к живым детям, так не подходи.

– Думаю, что нужно взять ребёнка с собой, его состояние нестабильно и родители его – мертвы. У нас ему будет лучше, чем в датском доме, – ныл Ник.

Ему очень понравилась малышка, и так как он сам жил в интернате, её дальнейшая судьба беспокоила юношу.

– Мы не можем её взять, – протестовал Пётр. – С нами она окажется в полной изоляции от внешнего мира. Что будет с ребёнком лет через пять, шесть, когда настанет время идти в школу?

А потом в нашем Отеле есть негласное правило, что дети до 16 лет в него не принимаются. Возрастной ценз придуман не с бухты-баракты. Представьте, на что бы была похожа наша гостиница, если бы по ней бегали непослушные дети – призраки, и хромали старики – инвалиды? Полный хаос и нестабильная среда...

Молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет могут обрести покой и единение со своими сверстниками, что увеличивает их шансы на лёгкий уход на небо после кончины хозяйки.

– Пусть Варя решает, поедет с нами девочка или нет! – настаивал Ник. И потом, это правило касается призраков, а этот ребёнок – живой человек.

Я стояла в стороне, и перебранка между Петром и Ником меня мало волновала. Я думала о том, что судьба девочки теперь бесповоротно связана с моей. И оставить я её не могу, но и взять её с собой тоже... Так как же быть?

– Варенька, думай скорее, я больше не могу сдерживать время. Мы здесь уже больше двух часов, и пора бы уже вызвать спасателей на место аварии, – взмолился Ник.

– Ты держишь время в своих руках, как такое может быть? – удивлённо спросила я.

– Возможно, если очень постараться. Но мои силы на исходе. Решайте быстрее, что делать с ребёнком, и уходим отсюда.

Я достала телефон и позвонила в агентство «Варвара».

– Проблемы, матушка моя?

– Ещё какие! У нас маленький ребёнок, родители погибли, и мы не знаем, что с ней делать? Это годовалая девочка...

– Не вздумайте взять её к себе в Отель, это опасно. Привозите её сюда, а там видно будет. Пока милиция на место аварии приедет, пока скорая помощь, пока то да сё, ребёнок может погибнуть.

– Отлично, так мы и сделаем. Но я не знаю, как попала сюда, а тем более, как отсюда выбраться?

– Это элементарно, матушка моя. Встаньте в круг вместе с Ником и ребенком и окажетесь у меня... – сказала Акулина Фёдоровна, и связь прервалась.

– Про какой круг она говорила? – спросила я у Ника.

– Да вот про какой! – ответил за Ника Пётр.

Он провёл туманной рукой по мокрой траве, и образовалось свечение в форме круга, в котором вполне могли уместиться и я, и Ник с ребёнком, и Пётр.

Ещё секунда, и мы оказались в гостиной чудесного домика с колоннами в переулке Вечности.

С распростёртыми объятиями нас встретила хозяйка дома, и, несмотря на то, что мы не виделись всего несколько часов, её радость от встречи была неподдельной.

Она взяла на руки девочку и унесла её в другую комнату и, как мне показалось, сделала это именно из-за меня.

– Возвращайтесь домой и отдохните как следует, а я пока накормлю ребёнка и наведу о ней справки.

Попадв домой, я рухнула на кровать и уснула, а когда очнулась, за окном было темно, а в дверь барабанил очередной посетитель...

Вскочив, я чётко помнила тот сон, что снился мне в эту ночь: глаза той женщины, что показалась мне знакомой.

Но теперь, когда я пишу эти строки, я уже знаю, кто она...

Глава седьмая

До смерти один шаг

Ник спал, Петр набирался сил, мне не хотелось его тревожить, и я пошла к двери одна.

Она была тоненькой, почти прозрачной. На бледной коже отчётливо виднелись следы побоев, а по виску и из носа текла кровь.

Она была совершенно голой...

Девушка пыталась прикрыть свою грудь, но делала это как-то неумело, может, у неё не было на это сил...

По щекам текли слёзы, а в глазах такая тоска и боль...

Я сняла с плеч накинутую впопыхах шаль и накинула её на девушку. Я понимала, что призраки не чувствуют холода, но они чувствуют стыд за своё неприкрытое тело.

Тут появился Пётр.

– Кто ты? – недоверчиво спросил он у девушки. – Как ты попала сюда?

– Почему ты задаёшь ей такие странные вопросы, а не предлагаешь войти и заключить соглашение? – удивилась я.

Он вёл себя, по крайней мере, странно: не был гостеприимен, как обычно, и что-то в его голосе настораживало меня – чужие нотки, холодные, равнодушные...

Его субстанция равнялась плотности человеческого тела, и я чувствовала скрытую в нём силу...

– Она не призрак! Она живая!

– Живая!? – закричала я. – Так что ж ты стоишь? С девочкой случилось что-то ужасное, а мы стоим как истуканы. Может, скорую вызвать?

Она покачала головой:

– Не надо. Мне бы сесть...

Не договорив последнюю фразу, девушка рухнула на землю, и я не смогла её поддержать, не успела. Она стукнулась головой о дорожку, и шаль, свалившись с плеч, обнажила все её прелести...

Раны на её лице затянулись, синяки исчезли, а тело засияло голубоватым светом. Бёдра округлились, груди набухли, а в глазах засияли искры.

Пётр стоял как вкопанный, разглядывая незнакомку...

Он не спешил ей помогать, он рассматривал её грудь, плоский живот...

Я заметила, как его взгляд скользнул ниже, и её ноги слегка раздвинулись... Она приподнялась на руках и потянулась к Петру... А тот, присев на корточки, обнял её за талию и прижал к себе, впившись ртом в её пылающие желанием губы.

– Пётр! Что ты делаешь? Ей нужна помощь!

– Это мне нужна помощь! – простонал он.

И тут он переменялся в лице в буквальном смысле.

Напротив меня был не Пётр, а Алексей, первый призрак нашего дома.

Он пытался овладеть незнакомкой прямо на дорожке, ведущей в сад, и та вовсе не была против, она жадно обнимала его, вцепившись руками в его спину, и стонала...

– Ещё! Прошу тебя, ну давай же! А то не успеем! Выпусти из меня демона!

Я оттолкнула Алексея со всей силой и стала звать Петра.

Он явился мгновенно и потащил Алексея в дом, но тот упирался и кричал:

– Посмотрите, она же сама этого хочет! От неё пахнет сексом. Отпустите меня, я хочу её.

Я не понимала, что происходит, и стояла как дура, разинув рот, а девушка начала приходить в себя...

Она села и умоляюще протянула ко мне руки:

– Не выгоняйте меня, пожалуйста, мне некуда идти...

На её губах появилась странная улыбка, и не успела я опомниться, как в её руке блеснул нож.

– Азазель... – прошипела она.

Где она прятала его? Просто невероятно. Но холодное лезвие коснулось моей кожи и вошло в бедро.

Я совсем не почувствовала боли, только тепло... Оно расплзлось по моему телу, и я потеряла сознание...

Очнулась я на своей кровати, нога дёргалась в судорогах, и её пронизывала страшная боль.

– Что со мной случилось? – спросила я у Ника, который сидел на стульчике рядом с моей кроватью.

– Она хотела убить тебя, вот что случилось! Она была демоном и ты сама, своими руками пригласила её в дом. Мы не смогли узнать, кто послал её...

После удара кинжалом она превратилась в змею и уползла, шипя и извиваясь.

Пётр бросился ей вдогонку, а я стал спасать тебя. Его до сих пор нет, но я позвонил Акулине Федоровне, и она тут же примчалась и сделала тебе промывание святой водой. В твою рану попал яд из кинжала, но ты не волнуйся, он не успел впитаться в твою кровь.

– А где сейчас Акулина Фёдоровна?

– У себя дома. Ты уже трое суток без сознания.

– А Пётр? Где Пётр?

– Он ещё не вернулся...

Ник опустил голову, чтобы я не смогла прочесть в его глазах волнение и страх.

Петра не было ещё три дня...

И лишь проснувшись поутру в пятницу, я увидела его рядом со своей кроватью. Он выглядел измученным и истощённым, видимо, ему изрядно досталось за эти дни.

– Где ты был? – бросилась я к нему на шею.

Он обнял меня в ответ своими прохладными руками, и я почувствовала всю нежность и любовь его давно остывшего тела.

– Не волнуйся, любимая, что может со мной случиться? Я умер так давно, что уже и сам не помню, каково это – быть живым...

– Ты догнал демона?

– Нет. Это и не входило в мои планы. Я хотел проследить его путь и узнать, кто послал её.

Но прежде чем я расскажу тебе всё, что со мною приключилось, ты пообещаешь, что больше не откроешь калитку без моего ведома. Никогда! Поклянись!

Я поклялась, и Пётр облегчённо вздохнул и начал свой рассказ.

Демон соблазна или плотского греха всегда притягивает к себе падшие души, потому и оказался Алексей рядом с ней раньше всех и в моём обличий.

Этим юношей стоит заняться особенно, уж очень скользким типом он оказался.

Но об этом потом...

Змея выползла из подворотни и превратилась в крылатую демоншу, но она не взлетела, а пошла пешком, хромая на правую ногу. Похоже, что она вонзила отравленный кинжал не только в тебя, но и в себя... Может, это было наказание от хозяина за невыполненное задание.

Чёрная струйка текла по её обнажённым бёдрам, и идти ей было всё тяжелее и тяжелее. У демонов нет крови, но есть нечто, что наполняет их силами.

У ангелов кровь голубая, со свечением, а у демонов она похожа на чёрную, вязкую смолу и с резким запахом. Испаряясь, она превращается в стаю мух... Так было и теперь, она шла по улице, а вслед за ней летело полчище крылатых тварей.

За углом демона ждала машина, и она села в неё, свернув крылья за спиной в тугие трубочки.

Машина мчалась до Москвы не останавливаясь и притормозила лишь на окраине города у старого особняка. Дверь слегка приоткрылась, но из машины никто не вышел...

Лишь туча голодных мух летала вокруг, ища свою жертву. Я забыл тебе сказать, Варенька, что эти мухи питаются живой плотью и ничем другим... Ах, как же не повезло тому толстому коту, что вышел прогуляться перед сном и поохотиться. Мухи поохотились на него. Он стал для них лёгкой добычей, и за минуту от него остался один скелет с ободраным хвостом и одна передняя лапа.

Я ждал больше часа и попробовал проникнуть в дом, но не смог...

Дом был защищен заклитием, меня отбросило в сторону и ударило о стену сарая.

Придя в себя, я решил вернуться домой, но по дороге всё время чувствовал, что за мной следят, чётко соблюдая дистанцию.

Резко останавливаясь на какое-то мгновение, я видел тени, но они растворялись ещё до того, как я успевал разглядеть их.

Тогда я решил рискнуть...

Залетев за угол старого дома, что стоял на обочине дороги, я притаился, а через минуту выскочил на преследователя и тут же столкнулся с ним, а вернее, с ней лицом к лицу...

Это была девушка, лет двадцати, очень красивая, в бесформенном белом одеянии, как и положено призракам старой формации... По энергетическим показателям ей было лет 300, а то и больше.

Я не мог пошевелиться. Я смотрел на неё, а она улыбалась... мягко так, ласково.

Я ожидал от неё чего угодно, но не улыбки.

Я думал, что за мной следят тёмные силы, но она была Ангелом и, что самое невероятное, она была похожа на тебя. Нет, не внешне, лишь энергетикой и светом, из которого вы обе состоите.

Теплотой взгляда, нежностью рук...

– Нежностью рук? – удивлённо воскликнула я.

– Да! Она прикоснулась к моей щеке...

Но тут налетели они...

Они рвали меня на части, терзали мою душу, но я выстоял... Её улыбка, её прикосновение спасли меня...

Они были похожи на тех мух, что роились у особняка. Это были чёрные тени с длинными хвостами, они вонзались в меня и, выходя с другой стороны, оставляли после себя огромные дыры...

Они оставили меня лишь с рассветом, и мне нелегко было вернуться домой...

Я потерял силы, но сберёг душу...

– Мой бедный друг, и всё это из-за меня...

Я прикоснулась к его руке, она была прохладной, как обычно, но... что-то изменилось...

Что-то неуловимое, тёплое, наполненное жизнью и любовью...

Я вздрогнула, и это тепло прошло по-моему израненному телу и заживило его, давая ему силы бороться. Оно выгнало яд из моей крови, и он испарился, уходя к потолку тоненькой струйкой едкого чёрного дыма.

А моё сердце наполнилось любовью...

Я поняла всю важность того, что я делаю...

Прошла пара дней, и от раны не осталось и следа, она затянулась, не оставив даже шрама.

А в моём сердце с каждым днём всё больше и больше разрасталось удивительное, ранее неведомое для меня чувство – любовь.

Пётр это тоже чувствовал. Вечером, сидя у камина в гостиной и беседуя с обитателями Отели, я замечала его взгляд, устремлённый на меня...

Только любящий человек способен лишь взглядом рассказать обо всём, что чувствует его душа.

Этот дух или человек, не знаю, как сказать правильно, любил меня всей душой и очень давно, но во мне это чувство просыпалось только сейчас...

Но какая она, эта любовь?

Это нам предстояло ещё понять, но... сейчас мы чувствовали её потоки и были счастливы. Пётр больше не исчезал и перестал быть туманным.

Он был полон жизни, и это давало ему невероятные возможности даже в призрачной субстанции. Он даже пытался пить чай, и чашка не выпадала из его рук, а горячий ароматный напиток, попадая в его тело, не выливался на пол, как бывало раньше...

Но эта история оставила после себя множество вопросов, на которые мы пока не знали ответа...

Кто хотел убить меня?

Кто наслал демонов на Петра?

Кто дал объявление в газете про агентство «Варвара»?

И наконец, кем была та незнакомка, что спасла меня и подарила мне – любовь?

Глава восьмая

Вагон метро

В вагоне метро было свободно и светло. Люди сидели вольготно, отодвинувшись друг от друга на приличное расстояние, и каждый был занят своим делом, не обращая внимания на окружающих.

Я не могла понять своей задачи и цели попадания в этот вагон метро и стала ждать, внимательно рассматривая пассажиров.

Мужчина лет шестидесяти копошился в сумке, и сначала мне казалось, что он что-то ищет, но потом я заметила, как его пальцы повторяют одни и те же движения: он наматывал нить на большой и указательный палец, а потом завязывал узелок, чтобы закрепить ячейку, и ещё одну, и ещё...

Его руки мелькали на поверхности сумки, а в ней уже лежала сплетённая им прочная капроновая сеть.

Первый раз я видела, как плетут сеть, да ещё в таких неподходящих для этого условиях.

Вагон качало из стороны в сторону, но мужчина не останавливался ни на секунду. На его лице была улыбка...

Видимо, он мечтал о чём-то... Возможно, об удачной рыбалке или о вкусной ухе, которую умеет готовить лишь его дорогая супруга...

Приятно смотреть, как трудится хороший человек, вкладывая в своё дело всю душу...

Улыбнувшись в ответ, я переключилась на другого господина, сидевшего с краю, прижавшись к перилам и положив руку на большой кожаный саквояж.

Господин был сосредоточен... Он писал смс-ки на своём новомодном телефоне.

Сразу было видно, что мужчина гораздо старше своего предполагаемого возраста. Джентльмен был изящно одет в дорогой, но уже далеко не новый костюм, в тщательно отглаженную белую рубашку и туго завязанный галстук. Эта одежда была для него комфортной, и галстук не сдавливал шею, что говорило о привычке носить этот аксессуар. Другой бы на его месте давно умер от удушья, а этот сидел себе преспокойненько и нажимал на телефонные кнопки, и то и дело приглаживал жидкие седые волосы и пышные усы.

Дописав очередное послание, он ждал ответа, а во время перерыва разглядывал своё отражение в экранчике телефона, руки же его при этом слегка подрагивали, выдавая пристрастие своего хозяина.

Он мог себе позволить хорошее спиртное, но и оно имеет свойство делать людей зависимыми... Он поглядывал на руки и недовольно морщился, видимо и они не соответствовали его требованиям...

Я невольно пожалела его... Дожить до таких лет, так беспокоиться о своей внешности и быть настолько неуверенным в себе...

У него было очень много комплексов и беспокойных мыслей, и в его глазах была пустота, но сердце бешено колотилось от волнения в ожидании ответа, и когда смс-ка приходила, он трясущимися руками нажимал на все кнопки подряд, чтобы прочесть её. И всё сначала...

Неожиданно он поднял глаза и посмотрел на меня. Поняв мою заинтересованность своей персоной, мужчина отложил телефон в сторону и улыбнулся мне.

Такой неприятной и похотливой улыбки я ещё не видела.

Этот седой донжуан изо всех сил пытался привлечь к себе женское внимание, видимо, всё ещё надеясь на обаяние, оставшееся далеко позади...

Всю свою жизнь человек был любителем женского пола и не заметил, как перестал интересоваться этот самый пол, но всё ещё бился за место под солнцем, надеясь подцепить очередную рыбку. Он так любил самого себя, что за всю свою долгую жизнь не почувствовал, что такое чувство может быть ответным... что можно любить и быть любимым.

Как это печально, подумала я и отвела глаза...

Седовласый господин понял, что и тут неудача постигла его, и вернулся к своему телефонному общению...

Молодой человек, сидевший чуть поодаль от господина с телефоном, прятал своё лицо в чёрный капюшон толстовки и, уткнувшись носом в электронную книгу, похоже – дремал...

Так мне показалось...

Всё ниже и ниже опускал он голову на колени. Но, приглядевшись получше, я заметила, что юноша искоса поглядывает на меня. В его взгляде было любопытство и ещё что-то, неясное и слабо уловимое... Вопрос? Просьба?

Мне стало не по себе, и я отвела взгляд...

По другую сторону от двери сидела женщина лет тридцати семи, а может и больше. Она смотрела вдаль глазами полными слёз, никого не замечая и не стесняясь своего горя. Пальца были сплетены и покраснели от напряжения, но...

Я заметила, как она улыбнулась... Едва-едва, и в этой улыбке уместилась целая вселенная. Звёзды ярко сияли в её карих глазах капельками жемчужных слёз. Её мысли были далеко отсюда, в другом мире, где жила её любовь, и который был создан только для них – двоих, и никто другой не мог в него проникнуть и нарушить их покой. Она защищала этот мир своей любовью и этой лёгкой, почти невесомой улыбкой...

И тут я поняла, что она плачет от счастья. Оттого, что она встретила его, своего единственного и неповторимого.

Мысленно я пожелала ей удачи и терпения... А она, словно прочитав мои мысли, благодарно кивнула мне головой и вновь погрузилась в свои мысли.

Рядом со мной сидела неприятная особа с ярко покрашенными ногтями. Её кожа была бледной, почти белой... И ещё от неё неприятно пахло уксусом... Но я не успела сделать выводы по поводу этой женщины, так как двери вагона открылись, и вошла Она...

Она была лёгкая, прозрачная, как туман. В широком белом одеянии. Точно такая, какой описывал её Пётр.

Дойдя до меня, она села напротив и, сложив руки на коленях, стала оглядывать пассажиров. Женщина, что сидела рядом со мной, встала и выскочила из вагона, когда двери уже закрывались... Она, тяжело вздохнув, посмотрела на меня...

Мой телефон зазвонил, и я проснулась...

Телефон оказался будильником, и в комнату влетел Ник...

Он был с мокрыми взъерошенными волосами и громко кричал:

– Вставай, Варенька, беда случилась, нужна наша помощь. Акулина Фёдоровна звонила. В Москве метро взорвали. Сразу две станции: «Парк культуры» и «Лубянка».

Спустя несколько минут мы оказались на «Лубянке». На этой станции было больше всего пострадавших, оттого-то мы и выбрали именно её...

В искореженном вагоне метро лежали тела, множество почерневших тел. Весь перрон был залит кровью и засыпан осколками стекла.

Раненые лежали в вестибюле, без помощи, истекая кровью и задыхаясь от едкого дыма...

Но мы не были спасателями МЧС... Мы должны были помочь не живым, а тем, кто потерял свою жизнь, внезапно, даже для небес.

Чёрная тень скользнула из вагона, пытаясь подняться к потолку, но тут её поймали за ноги и потянули вниз. Она билась и кричала, она молила о пощаде и сострадании, но тёмные силы не знали, что это такое – сострадание. За секунду до того, как проклятая душа исчезла под землёй, мы увидели лицо женщины... в её глазах стоял ужас и негодование, было видно, что она ожидала совсем другого...

Мы уже ничем не могли ей помочь, и я направилась к искореженному вагону.

Пол был липким от крови, мои туфли приклеивались к нему при каждом новом шаге, и мне приходилось отдирать их с силой.

Несколько раз я наступала на что-то мягкое и бесформенное и, зажмурив глаза, шла дальше, стараясь не задумываться, что это было.

Битое стекло под ногами хрустело, словно я шла по снегу, и мои шаги отзывались эхом...

Все стены были превращены в решето, и многие из этих отметин имели ярко-алый цвет. Проходя сквозь свои жертвы, они уносили их жизни и капли их крови, навсегда впечатывая в стены метрополитена.

Чем ближе к дверям вагона, тем сложнее продолжать путь...

Службы спасения ещё не прибыли, и лишь зеваки с мобильными телефонами пытались подползти к эпицентру взрыва, но я была здесь первой...

Пол в вагоне не был виден за бесформенной массой тел. Сложно было разобрать, сколько их, и кому они принадлежат, мужчинам или женщинам, молодым или старым, но для меня это было и не важно, я смотрела выше трупов. Мой взгляд был прикован к потолку вагона, где парили около двадцати растерянных душ...

Я попыталась привлечь их внимание, но они как замороженные следили за своими телами, надеясь на их воскрешение.

Через пару минут прозрачные субстанции начали вздрагивать и менять цвет. Казалось, что они становились легче и прозрачнее, из молочно-белого кто-то становился голубым, кто-то сиреневым и даже красноватым.

Я заметила, что тоненькие ниточки биотоков, тех, что тянулись от тел погибших к их энергетическим оболочкам, начали лопаться, отпуская на свободу души для дальнейшего путешествия в мир иной, и многие поспешили этим воспользоваться...

Здесь были все, кто снился мне сегодня... Пожилой ловелас, влюблённая дама, парень в капюшоне и мужчина, который так искусно плёл рыболовную сеть... И ещё многие другие, кого я видела впервые.

Они начали подниматься всё выше и выше и, проходя через крышу вагона, исчезали в свете, который ждал их наверху.

Но были и такие, что озирались по сторонам, не понимая, что происходит... И когда их осталось не более пяти, я окликнула их...

– Посмотрите на меня! Я хочу, чтобы вы меня слышали! Отпустите ваши тела с миром и пойдёте со мной, я помогу вам, обещаю...

Я протянула руку вперёд, и первым ко мне подлетел юноша с кудрявой копной черных волос.

– Что здесь произошло, вы не знаете?

– Нет, не знаю. Но вам лучше подойти поближе и пожать мне руку.

Он послушно вложил свою туманную ладонь в мою, и тоненькие ниточки, связывающие его с телом, лопнули, и тут он переменялся в лице...

В его глазах появился блеск и теплота.

Какой хороший парень! – подумала я. – Какая чистая душа. И почему он не смог уйти на небо...?

– Мама! – тихо произнёс он. – Я спешил к маме. Она в больнице, совсем одна. Я ехал к ней!

И он показал на своё тело. Оно лежало лицом вниз, спина была разодрана в клочья, но под левой рукой виднелся пакет, из которого просыпались на чёрный пол оранжевые мандарины, яркие, спелые, с наклейками-ромбиками. Они словно были лишними на «картине смерти», и казалось, что художник этого страшного шедевра написал их уже после, чтобы ввести нас в заблуждение...

– Она любит мандарины!

Он заплакал, и я обняла его и прижала к себе.

– Как тебя зовут?

– Равиль. Так звала меня мама.

– Не плачь, Равиль! Мы передадим их твоей маме.

Я обернулась и махнула рукой Петру. Он подлетел и поманил к себе юношу:

– Пойдём, Равиль, всё будет хорошо, а Вареньке сейчас лучше не мешать.

Старичок плакал над телом женщины. Она уже давно была на небе, а он всё плакал и плакал...

Я дотронулась до него, и он протянул мне руку, но я резко отстранилась...

– Вам нельзя со мной. Ваша жена ждёт вас на небе, ступайте к ней. Вам больше нечего здесь делать. Вы свободны!

Он посмотрел вверх и увидел, как жена машет ему рукой и зовёт к себе.

– Но я не могу! – плакал он. – Что-то держит меня и не пускает.

Я наклонилась к телу женщины и слегка отодвинула её.

Она была мертва, но человек, который находился под ней, ещё имел признаки жизни.

Мужское тело было искорежено больше женского, но пальцы его дёргались и хватались за воздух, а тень старика в точности повторяла его движения.

– Вы ещё живы! Вот и вся причина... Вам нужно немного подождать! Совсем чуточку...

– Я хочу умереть, закричал он. Я хочу быть с ней! – и он показал на лик жены, уходящей в свет. – Помогите мне, убейте меня! Прошу!

Я не могла его убить. Я хозяйка «Отеля для Призраков», а не добиватель раненых на поле боя. Но тут подоспел Ник...

Пробираясь через тела, он схватил старика и резким движением выдернул его наверх. Его тело вздрогнуло пару раз и замерло.

Улыбка коснулась его уст, давая свободу душе...

– Спасибо, друзья мои! – услышали мы тихий голос, и старик отправился на небо вслед за своей любимой женой.

Две девочки обнимали друг друга и умоляюще смотрели на меня.

– Мы хотим остаться вместе! Пожалуйста!

Но это было невозможно! Одна из них была жива, а вторую я взяла за руку и потянула к себе. Их тела разъединились, и та, что осталась, вошла в своё тело.

– Она не будет жить, заberi её! – настаивал Ник, показывая мне на раненую девушку.

– Не могу, ты же видишь, она ещё жива. А вдруг её спасут?

– Не спасут! Посмотри на неё... Где в этом месиве можно зацепиться за жизнь? За какой орган?

Ник иногда пугал меня своей резкостью в выражениях... Я видела, что юная девушка долго не протянет... но поделать ничего не могла.

Всё это время я держала за руку её подругу, и, не выдержав напряжения, она упала мне на грудь и разразилась рыданием.

– Всё будет хорошо! Вот увидишь! Нет ничего страшного в смерти, тем более, когда она уже случилась.

Мы же разговариваем с тобой, а это значит, что у твоей души тоже есть жизнь, и она не такая уж неинтересная, как может показаться вначале.

Ты пойдёшь со мной, в мой дом. Там у тебя появятся друзья и новые интересы, и ты ещё встретишься со своей подругой, но чуть попозже...

– Обещаете?

– Обещаю!

Её я тоже передала на попечение Петру.

И остался всего один персонаж, но какой!

Его тело находилось под грудой других, и маловероятно, что его когда-либо опознают. И не по тому, что оно было изуродовано больше остальных, а потому что этого человека уже давно не существовало в списках живых.

Наше общество устроено так, если ему выгодно, то ты живёшь, а если нет, если твоя персона, как бельмо в глазу, как незаживающая язва на теле или укор государственной совести, если такое понятие существует, тогда тебя выбрасывают вон, вычеркивают из списка, выкидывают из жизни.

У мёртвого тела не было ни ног, ни рук. Рукава рубашки и брюк были скатаны и зацеплены булавками, чтобы не болтались понапрасну...

Тело было пристёгнуто ремнями к деревянной дощечке с прикрученными колёсиками, снятыми с детской прогулочной коляски, а на груди несчастного висела табличка:

«Помогите инвалиду войны».

И ещё... Кое-что оставалось нетронутым смертью, оно находилось между мирами, как дань уважения этому человеку – медаль Героя на его гимнастерке. Настоящая, боевая, омытая кровью солдата и благословленная выжившими благодаря ему боевыми товарищами.

Его дух завис в сторонке и радостно рассматривал своё новоиспечённое энергетическое тело, с руками и ногами, в красивом парадном мундире десантника с эполетами.

Бравый солдат с широкой, доброй улыбкой, и просто – молодой, красивый парень...

– Как вас зовут? – спросила я.

– Серёжа! А вас?

– А меня, Варвара. Можно, просто, Варя. Как вам нравится, мне всё равно. Позвольте пожать вам руку, если вы не против.

– Нет, я не против! – усмехнулся он. – Очень даже – за! Вы такая красивая, Варенька.

Он взял мою руку в свою, и я почувствовала тепло, живое человеческое тепло.

Этот парень так много недожил, недолюбил и погиб по глупости, задохнувшись под горой окровавленных трупов.

Эта картина не была для него ужасающей, он привык к подобным зарисовкам, но я больше не могла здесь находиться...

Начали подтягиваться спасатели, и я поспешила выйти из вагона...

Дома мы были через минуту, и всё благодаря Нику. Его способность к передвижениям в пространстве давала мне возможность попадать в нужные мне места и возвращаться домой за считанные секунды.

Сегодня я была на пределе... Меня вырвало несколько раз, и я рухнула в кресло совершенно без сил. Ник принёс горячего сладкого чаю, и мне значительно полегчало.

Наши новые постояльцы жались к стене и чувствовали себя неудобно.

Девчоночка плакала, а Серёжа, обняв её за плечи, шептал ей на ушко слова утешения, но время от времени посматривал в мою сторону серьёзным, напряжённым взглядом.

Равиль стоял поодаль и тоже смотрел на меня.

Сегодняшний день не окончится никогда...

Долги давили на грудь, и я встала и направилась к Равилю...

– Поедем к твоей маме, отвезём ей мандарины, если ты не против?

– Конечно, я не против, но как мы ей скажем, что я умер? Ведь она этого не переживёт?

– А мы не скажем. Просто навестим и передадим от тебя гостинцы, а там видно будет...

– Хорошо!

– А можно мне с вами? – попросила плачущая девочка. – Там моя подруга, она ещё жива. Была жива...

– Можно...

Я была не в состоянии спорить с ними...

Через несколько минут мы были в больнице...

Глава девятая

Долги...

В институте Склифосовского царил хаос...

Кареты скорой помощи прибывали в огромном количестве, и у приёмного отделения выстраивались в длинную вереницу.

Шум сирен и свет мигалок, крики врачей и стоны раненых... Но страшно не было.

Похоже, что я привыкла... Привыкла к боли, к страху, к леденящим кровь картинам из фильмов ужасов, которые кто-то по случайности перенёс в реальную жизнь.

Пётр проходил сквозь эту очередь, ища нужную нам девушку...

Вынырнув из десятой по счёту машины, он помахал нам рукой.

Врач открыл нам двери, пристально глядя Нику в глаза. Казалось, что он не дышал и не моргал... но при этом делал всё чётко...

Девушка, что лежала на каталке, почти не дышала. Простыня, которой она была укрыта, впитала в себя почти всю кровь из её многочисленных ран и стала чёрной, и лишь крошечный уголок, что прикрывал ей ноги, сохранил первоначальную белизну.

– Доктор, как вы оцениваете её состояние? – спросил Ник.

– До приёмного отделения не дотянет...

Врач скорой махнул рукой и заплакал. Видимо, гипноз действовал на него слишком расслабляюще, и мне показалось, что он сейчас рухнет под колёса машины.

Я поддержала его и посадила на место санитаря.

Последний вздох... Тяжёлый, прерывистый... Её тело вздрогнуло последний раз, и...

Конец!

Конец земной жизни. Но мы были готовы помочь ей начать жизнь новую – жизнь после жизни.

Её душа отделилась от тела и зависла на мгновение параллельно ему, затем она приподняла голову и, перевернувшись в воздухе как акробат, встала напротив нас.

– Подружка моя, любимая!

Она бросилась к нашей плачущей гостье, и девочки крепко обнялись. Их лёгкие оболочки, войдя друг в друга, стали единым целым.

– Отпусти её, – шептал Ник, прислонившись к моей щеке. – Расторгни договор и отпусти обеих. Они свободны. Их ничто не держит на этой земле.

Я понимала, что он говорит правду. Им не нужен «ОТЕЛЬ ДЛЯ ПРИЗРАКОВ», чтобы попасть на небо, они готовы уйти туда прямо сейчас, но с одной из них я уже заключила контракт. Что же теперь делать?

– Есть способ! – вмешался Пётр.

– Какой? Говори же!

– В прошлой твоей жизни был подобный инцидент. Думаю, что не будет проблем, если ты расторгнешь этот договор по её просьбе и прочитаешь заклинание:

*Расторгаю договор между мною и тобою.
Душу чистую, непорочную в небо отпускаю,
Ангелам душу твою вверяю...*

– И всё?

– А что ещё?

Ах, совсем забыл. По тобою же придуманным законам отпущенная душа может взять с собою провожатого... по своему усмотрению. И главное условие, душа не может пребывать на земле больше суток. Именно в течение этого срока возможно расторжение договора... не дольше.

– Итак, девочки, вы хотите уйти на небо вместе?

– Да! – хором ответили подружки.

Они смотрели на меня счастливыми глазами. Смерть больше не волновала их, не беспокоила. Они хотели уйти на небо, а я была готова их отпустить.

Прочитав заклинание, я взмахнула рукой, и они стали подниматься к облакам. Медленно, паря над городом, над миром, над планетой Земля...

– В добрый путь! – прошептала я, но, посмотрев на Равиля, поняла, что не все дела на сегодня сделаны. И, пожалуй, осталось одно, но самое сложное и неприятное...

В палату пустили только меня, ну и призраков, конечно.

Ник остался в приёмном отделении и был очень недоволен этим:

– Как спасти всех, так Ник, а как старушку навестить, так лишней! Что за жизнь?

В комнате с задернутыми шторами было тихо и сумрачно, на кровати у окна лежала пожилая женщина и смотрела в потолок, а рядом с кроватью, на стуле, сидело странное существо...

Сначала я подумала, что это призрак, но когда это существо взглянуло мне в глаза, я вздрогнула...

Чёрные, бесформенные одежды прикрывали всё её тело до самых ног и открывали лишь ту его часть, где горели бездонные глаза.

Но эти глаза не были человеческими...

Две чаши без дна, как чёрные дыры в глубинах космоса, с сияющими звёздами – вдали..., они смотрели на меня пристально, заманивая, затягивая меня в свои сети...

Они не были ни добрыми, ни злыми, лишь холодный свет излучали огни, горящие внутри них, а ещё в них была печаль... Простая, человеческая печаль, что гнетёт наши души, что не даёт нам жить с радостью и любовью...

Почти скелет, она вытащила из-под складок одежды свои пальцы, машинально пригладила длинные седые волосы, выбившиеся из-под капюшона, и поспешила заправить их обратно, видимо смутившись их неопрятности.

– Жду вас давно... С самого утра...

Её голос был хриплым и в то же время – мелодичным, даже ласковым.

Так отчего вы задержались? Делали мою работу? Нехорошо!!! – она затрясла головой в знак недовольства. – Давно хотела с тобою познакомиться, Варенька... Так что ты там встала, в землю, что ли, вросла? Иди сюда, поболтаем. Да не бойся, дурёха, не обижу.

Я подошла к соседней кровати и села на неё, крепко вцепившись руками в резную спинку.

– Я же сказала – не бойся. Чего дрожишь? Страшно тебе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.